

АКАДЕМИК
ЛАНДАУ

КАК МЫ ЖИЛИ

КОРА ЛАНДАУ-ДРОБАНЦЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ

Биографии и мемуары

Кора Ландау-Дробанцева

**Академик Ландау. Как
мы жили. Воспоминания**

«Издательство Захаров»

2011

УДК 82-94
ББК 82-94

Ландау-Дробанцева К.

Академик Ландау. Как мы жили. Воспоминания / К. Ландау-Дробанцева — «Издательство Захаров», 2011 — (Биографии и мемуары)

ISBN 978-5-8519-1040-9

Конкордия Терентьевна Ландау-Дробанцева (1908—1984), жена гениального физика Льва Ландау, начала писать свои воспоминания после смерти мужа в 1968 году и работала над ними более десяти лет. Получилось три солидных тома. Переплетенные, дополненные фотодокументами, они в виде самиздата какое-то время циркулировали в среде ученых-физиков, но вскоре почти все экземпляры были уничтожены академиками и их женами, которые ханжески возмущались этим откровенным текстом, шокирующими подробностями личной жизни великих умов СССР и нелюбезными оценками «неприкасаемых». Но «рукописи не горят», и появление воспоминаний Керы Ландау в виде книги — лишнее тому подтверждение.

УДК 82-94

ББК 82-94

ISBN 978-5-8519-1040-9

© Ландау-Дробанцева К., 2011
© Издательство Захаров, 2011

Содержание

Из авторского послесловия к рукописи Конкордии Терентьевны Ландау-Дробанцевой	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	34
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	48
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	64
Глава 17	80
Глава 18	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кора Ландау-Дробанцева
Академик Ландау
Как мы жили
Воспоминания

*Редакция выражает благодарность Валерию Генде-Роте и
Евгению Павловичу Кассину за предоставленные фотографии*

Из авторского послесловия к рукописи Конкордии Терентьевны Ландау-Дробанцевой

О.Генри, мой любимый писатель, сказал:

«Если бы человек написал о своих приключениях не на литературу, не на читателя, а сам правдиво поисповедовался самому себе!»

Вот и писала только самой себе, писала только правду, одну правду, не имея ни малейшей надежды на публикацию.

Дау был солнечный человек, сейчас ему могло быть уже 75 лет. Уже десять лет я пишу и пишу о своей счастливой и драматической судьбе. Чтобы распутать самый сложный клубок моей жизни, пришлось залезть в непристойные мелочи быта, в интимные стороны человеческой жизни, сугубо скрытые от посторонних глаз, иногда таящие так много прелести, но и мерзости тоже.

*Кора Ландау
1983*

Глава 1

Уже прошло почти двадцать лет с тех пор, когда в то роковое утро ты уехал в Дубну, а мои мысли бесконечно устремляются в прошлое. Неужели были молодость, счастье, любовь и ты!

В воскресенье, 7 января 1962 года, в десять часов утра из Института физических проблем выехала новая светло-зеленая «Волга». За рулем – Владимир Судаков. Сзади сидела жена Судакова Верочка, и справа от нее академик Ландау. Дау ценил Судака (так он называл Владимира Судакова) как ученика – физика, подававшего надежды. В прошлом он высоко отзывался о красоте его жены Верочки.

В новой «Волге» отопительная система работала отлично. На Дмитровском шоссе в машине стало жарко, Дау снял меховую шапку и шубу. (О, если бы он этого не делал!)

Дмитровское шоссе узкое. Обгон, объезд воспрещен! Впереди автобус междугороднего сообщения, его кузов заслонял видимость встречной полосы движения. Судак ехал впрытк за автобусом, а встречного транспорта нет, нет и нет. Подходя к остановке, автобус замедлил ход, и тут Судак вслепую выскочил на левую полосу движения, не снижая скорости пошел на обгон, чудовищно нарушая тем самым правила движения. Навстречу шел самосвал. Опытный водитель хотел свернуть на обочину, но там были дети. Водитель самосвала старался проехать по самому краю проезжей дороги, перед Судаком был открыт проезд. Был гололед, резко тормозить нельзя. Профессионал прошел бы чисто между самосвалом и автобусом. Плохой водитель поцарапал или помял бы крылья. Быстрота реакции, секунды, мгновения решали все! А этот горе-водитель со страху резко выжал сцепление и тормоз. По законам физики «Волга» на льду завертелась волчком под действием центробежной силы. Этой силой Даунька был прижат к правой стороне. Голова, правый висок, прижат к двери машины. Злой рок выбрал удар в правую дверь «Волги». Еще бы секунда, мгновение – и удар был бы по багажнику. Но рок был слишком злым! Это он снял с Дау шапку и шубу! Весь удар самосвала приняло на себя хрупкое человеческое тело, прижатое центробежной силой к двери «Волги».

Внутренний левый карман был набит стеклом от окна «Волги», следовательно, полы пиджака стояли перпендикулярно к телу. Незадачливый самосвал, дав задний ход, унес на себе правую дверь судачковской «Волги». Без сознания Даунька вывалился на январский лед и пролежал двадцать минут, пока не пришла «скорая помощь» из больницы № 50. Это обыкновенная советская больница с очень хорошим, высококвалифицированным медицинским персоналом. Все было на высоте, особенно главный хирург Валентин Поляков и совсем молодой врач Володя Лучков (он был дежурным врачом).

На правом виске кровоточила рана, порез стеклом «Волги», весь остальной покров кожи цел, признаков видимой травмы черепа тоже видно не было.

Доктор Лучков стал обрабатывать кровоточащую ранку на виске. Физики уже успели доставить в больницу № 50 одного из «академиков» (так Дау называл академиков медицины). Заложив руки за спину, он подошел к врачу Лучкову, оказывавшему первую медицинскую помощь пострадавшему, и сказал: «А не слишком ли вы храбры, молодой человек, что осмелились притронуться к этому больному без указаний консилиума? Или не знаете, кто пострадавший?» – «Знаю, это больной, поступивший в мое дежурство в мою палату», – ответил врач Лучков.

С 7 января 1962 года по 28 февраля 1962 года, 52 дня, академик Ландау провел в этой замечательной советской больнице. Именно здесь благодаря тяжелому и самоотверженному труду всего медицинского коллектива была спасена жизнь крупнейшего физика Л.Д.Ландау.

Весть о том, что в автомобильную катастрофу попал знаменитый физик с мировым именем, полетела по Москве.

А в 17.00 того же дня Би-би-си оповестила мир о несчастье, случившемся в Советском Союзе.

В Лондоне крупный иностранный издатель трудов Ландау Максвелл, услышав эту весть, тотчас снял телефонную трубку: срочный звонок в международный аэропорт Лондона. Он попросил задержать отправление самолета в Москву на один час: «В Москве с крупнейшим физиком стряслась беда, я сам доставлю медикаменты, которые помогут спасти жизнь Ландау». У Максвелла в Лондоне недавно случилась беда: в ночь на 1 января 1962 года его старший 17-летний сын тоже попал в автомобильную катастрофу. Мальчик еще жив, получил множественные травмы, в том числе травму головы. Максвелл знал, какие нужны медикаменты на первых порах, чтобы спасти человека. Уже семь дней медики Лондона боролись за жизнь мальчика. Отек мозга был предотвращен инъекциями мочевины. Дома под рукой у Максвелла были ящички с мочевиной в ампулах. Пассажирский самолет вылетел из Лондона с опозданием на час, взяв курс на Москву, неся на борту драгоценные ампулы мочевины, которым было суждено предотвратить отек мозга у Ландау и отразить одну из первых страшных атак смерти.

Да, Дау получил комплекс множественных травм, каждая из которых могла привести к смертельному исходу: перелом семи ребер, которые разорвали легкие; множественные кровоизлияния в мягкие ткани и, как выяснилось значительно позже, – в забрюшинное пространство с отпотеванием в брюшную полость; обширные переломы тазовых костей с отрывом крыла таза, смещение лобковых костей; забрюшинная гематома – вогнутый живот Дау превратился в огромный черный волдырь. Но медики в те дни говорили, что все эти страшные травмы – просто царапины в сравнении с травмой головы!

Было очень много страшных прогнозов профессоров медицины, самые страшные прогнозы были по поводу мозговой травмы. К счастью, страшные прогнозы медиков смягчаются их ошибками. Рентгенография показала только полую, без смещений, трещину основания черепа. Энцефалограмма показала, что мозговая функция коры сохранена. Почему-то энцефалограмме медики не доверяли. Мозг еще так мало изучен – эта область медицины, увы, спит спокойным младенческим сном в колыбели мировой медицины. В основном медики боялись смертельно опасного отека той части мозга, где расположены жизненно важные центры: сердечно-сосудистые и дыхательные. Больной находился в глубоком бессознательном состоянии шока. В первые, самые роковые, часы врачи больницы № 50 удержали оборонные позиции жизни.

Когда 7 января 1962 года ранние зимние сумерки стали сгущаться над Москвой, та часть Тимирязевского района, где находилась больница № 50, была запружена легковыми машинами. Казалось, съехалась вся Москва, море машин. Прибыла милиция регулировать движение, чтобы оставить проезд в больницу. Знакомые и незнакомые, вся студенческая Москва тоже была здесь, все хотели чем-то помочь, что-то услышать.

– Еще жив, еще жив, в сознание не приходит.

Не занимая лифт, физики устроили живой телефон с шестого этажа до дежурной машины физиков.

В больнице собрался консилиум ученых-медиков. Специалист по легким сказал: «Больной обречен, легкие разорваны, куски плевры оторваны, вспыхнет травматический пожар в легких, и он задохнется, ведь дыхательной машины нет!» Заработал живой беспроводный телефон физиков, несколько машин медиков и физиков сорвались с места и понеслись по Москве. Студенты-медики выяснили, что дыхательные машины были в те годы только в медицинском институте детского полиомиелита. Медицинский консилиум еще заседал, когда физики и медики-студенты внесли в палату Ландау две дыхательные машины, кислородные баллоны. С машинами прибыл дежурный специалист-механик. Члены консилиума от удивления развели руками: «Скажите, молодежь, если для спасения жизни Ландау нам понадобится высотное здание, вы тоже его сюда притащите?»

– Да, притащим!

Развивался и угрожал отек мозга. Несмотря на выходной день, в воскресенье ночью были вскрыты все аптечные склады Москвы и Ленинграда, где тщетно искали мочевины в ампулах. Самолет из Лондона доставил ампулы мочевины вовремя. Отек мозга был предотвращен.

Только после этого случая Министерство здравоохранения приняло меры, и сейчас во всех больницах нашей страны есть ампулы мочевины. Это очень дешевый препарат.

Глава 2

7 января 1962 года в 13 часов раздался телефонный звонок. Снимаю трубку. Говорят из больницы № 50. В результате автомобильной катастрофы академик Ландау попал в нашу больницу в безнадежном шоковом состоянии. Катастрофа произошла в 10 часов 30 минут на Дмитровском шоссе по дороге в Дубну. Пострадал один ваш муж, спутники отделались испугом.

– Как пострадал муж? Что сломано? Рука? Нога?

У меня было много бестолковых вопросов, не сразу дошло, что слово «безнадежное» исчерпывает все вопросы. Я закричала: «Нет, нет, этого не может быть!» Все вокруг завертелось, не могла найти дверь. Надо было бежать и кричать! Вдруг до сознания дошли чьи-то слова: «Гарика плохо!» И тогда жену победила мать! Я начала бессвязно успокаивать сына, он лежал без движения, лицо без кровинки и широко открытые, немигающие детские стеклянные глаза.

А телефон звонил, звонил и звонил. Было много вопросов ко мне: «Правда ли, что...»

– Да, да, да, правда, правда.

Часы шли, телефон звонил, и на очередной вопрос я стала кричать в трубку, но адресуясь сыну: «Спасибо, спасибо, он пришел в сознание. Спасибо, сломана ключица и рука! Как я счастлива! Миновало! Спасибо, спасибо, как я вам благодарна! Гарик, Гарик, ты слышал, папка уже пришел в сознание». Очередной любопытный положил трубку, решив, что говорил с сумасшедшей.

Зловеще стучались январские сумерки. Гарика удалось успокоить. Дала ему снотворное, плотно закрыла дверь в его комнату, он уснул. Телефон замолчал. Вся Москва уже знала о трагическом дорожном происшествии, случившемся на Дмитровском шоссе по дороге Дубну.

Позвонил Александр Васильевич Топчиев, он сообщил: «Собраны все медицинские силы Москвы, состояние у мужа тяжелое». Этот звонок принес некоторое облегчение. Тяжелое, значит, жив. С отчаянием и надеждой стала ждать физиков из больницы, должны прийти и сказать правду. Вспомнила, что уже две недели физики из Дубны все время звонили и просили приехать. Ему явно ехать не хотелось, он очень напряженно и много работал, спал мало, ел плохо. При росте 182 см весил только 59 кг. О себе он еще в ранние годы сказал: «А у меня не телосложение, у меня теловычитание!» Эти его слова потом вошли в литературу.

– Дау, ты вчера опять лег спать в три часа ночи. Я слышала, когда шелкнул выключатель. Ну разве можно столько работать? Стал совсем желто-зеленого цвета, смотри, девушки разлюбят!

Весело улыбаясь, он говорил: «А зато какую работу я заканчиваю. Коруша, все, что я сделал в физике, – ничто в сравнении с этой моей работой, но надо спешить, особенно в конце, вдруг американцы обгонят в самый последний момент, я же не знаю, над чем работает Оппенгеймер. Ты мне не мешай, мне так интересно. А ну, брысь, брысь!»

Работал он всегда лежа на тахте. Друзья шутили: «Дау, у тебя голова весит гораздо больше всего туловища. Чтобы уравновеситься, ты работаешь лежа!» Утром весь пол возле постели был усыпан листами исписанной бумаги – все формулы, формулы, формулы. Поднимая и складывая в стопку, я спрашивала: «А сам-то ты поймешь, что здесь нацарапано?»

– Я все понимаю. Смотри не выбрось.

Это он повторял всегда и всегда искал будто бы исчезнувшие исписанные листы бумаги. Крик сверху: «Опять убирала, где вот тут валялся такой измятый кусок бумаги?» (Его кабинет находился на втором этаже.) Бегом наверх: «Дау, клянусь, ничего не выбрасывала, не злись, все твои бумаги всегда находятся».

– А вот сейчас нигде нет!

И когда исчезнувшего листка нет ни под тахтой, ни под столом, ни под ковром, тогда я нахожу этот лист у него в кармане.

Он всегда очень трогательно просил прощения.

6 января 1962 года вечером, после ужина, я искала в его кабинете очередной «исчезнувший лист бумаги». Зазвонил телефон. Это опять был звонок из Дубны. Вдруг он согласился: «Ну что же, хорошо, завтра приеду. Да, приеду, встречайте. Выеду 10-часовым поездом из Москвы».

– Ты согласился ехать в Дубну, а сам говорил – это территория Боголюбова, и тебе там делать нечего.

– Да, говорил. Это так и есть. Но физики меня давно просили и ждут, а сейчас мне сообщили, что мой приезд необходим, надо спасти Семена.

– Какого Семена?

– Бывшего мужа Элочки. Она забрала сына и ушла к другому, в том же доме, тоже сотруднику Дубны.

– Как, Элка бросила Семена? Но ведь Семен – красавец в сравнении с вашей Элкой, он умен, и ты говорил, что он один из плеяды твоих лучших учеников.

– Коруша, в смысле науки новый возлюбленный Элочки не стоит даже следа Семена. Но помни, народная мудрость говорит: «Любовь зла, полюбишь и козла!» Когда Элла приезжала к нам, я ей неоднократно говорил: «С кем не бывает. Ну влюбилась, ну стали любовниками. А Семен – прекрасный муж, замечательный отец». Он, бедный, так старался не замечать этого романа, он как культурный человек им не мешал. Семен – мой ученик, ревновать он не имел права. Своим ученикам я всегда стараюсь привить культурные взгляды на любовь, на жизнь. Но жена того, к кому ушла Элочка, застав ее в своей постели, не осознала, что ревность – это один из самых диких предрассудков! Она с младенцем на руках уехала к своим родным в Ленинград. Элочка сразу перешла жить в квартиру нового мужа. Семен живет рядом, и видеть жену и сына с другим ему оказалось не под силу. Мне сейчас сообщили: он запсиховал. Физики боятся самоубийства. Надо съездить, вправить мозги Семену. Решено, завтра еду в Дубну. Боголюбов – талантливый физик, да и с молодыми физиками всегда интересно поговорить о науке.

– Да, но ведь наш шофер уже ушел, а завтра выходной.

– Ты права, в выходной к определенному часу с такси трудновато, но я уверен, что к десятичасовому поезду на вокзал меня подбросит Женька на своей новой «Волге».

Женька – легок на помине – появился в кабинете Дау. Он забежал к Дау раз двадцать в день – я была вынуждена дать ему ключ от нашей квартиры.

– Женька, я дал слово завтра ехать в Дубну. Уже договорился с Судаками, встречаемся на вокзале у десятичасового поезда на Дубну. Ты сможешь меня подбросить на вокзал завтра с утра?

– Да, да, конечно, смогу. Тем более что завтра с утра я еду в плавательный бассейн. У меня стало появляться брюшко, надо сгонять лишний жирок.

Я ушла к себе, в нижнюю половину квартиры, а Дау стал диктовать Женьке очередной параграф восьмого тома своих книг, о которых ныне говорят: «Ими вместе созданных».

Как-то я спросила Дау:

– Почему ты пишешь все свои тома только с Женькой, почему не с Алешей?

– Коруша, пробовал не только с Алешей, пробовал с другими, но ничего не получилось!

– Почему?

– Понимаешь, когда я диктую свои книги по физике Женьке, он все беспрекословно записывает. Его мозг – это мозг грамотного клерка, к самостоятельному творческому мышлению он не способен. Студентом производил впечатление способного, но дальше время показало, что

это пустоцвет! Творческого работника из него не вышло, но он образован, аккуратен, точен и трудолюбив, из него получился соавтор. Вместо зарплаты я дарю ему свои идеи, ему в обществе необходимо иметь свое лицо. Благодаря его помощи я смог создать хорошие книги по физике для потомства. Я пробовал писать свои книги с талантливыми учениками, но их мозг пытлив, они не в состоянии беспрекословно записывать мои мысли. Что я решаю мгновенно, для них это еще не закон, они возражают, спорят, а когда постигают, приходят и говорят: «Дау, вы были правы». Прошло много ценнейшего времени, а время не ждет! Наше временное пребывание на земле слишком коротко, а надо так еще много успеть! Тратить свое творческое время на писание книг я не могу. Когда устаю думать, зову Женьку и диктую ему очередные параграфы. Долго диктовать я не могу, одолевает скука, а ты, Коруша, хорошо знаешь, я это тебе много раз повторял: самый страшный грех – это скучать! Не смейся, вот придет Страшный суд, господь бог призовет и спросит: «Почему не пользовался всеми благами жизни? Почему скучал?»

Глава 3

Шли годы, популярность Ландау росла. Все давно поняли, что Женька просто состоит при Ландау. При мне физики говорили у нас дома: «Дау, за ту работу, которую Женька исполняет для тебя, ты только должен в предисловии очередного тома выражать ему свою благодарность – так делают все наши академики, – а не делать его своим соавтором. Ведь за свой труд он имеет очень щедрую оплату – твои идеи! Причем такие, что, того гляди, в членкоры скоро угодит». Так говорили физики при жизни Ландау.

– Нет, не преувеличивайте, членкором ему никогда не быть! У него кишка тонка, а рабочий труд был уничтожен капитализмом как непроеводительный. Я очень спешу создать полный курс теоретической физики, эти книги очень нужны студентам и молодым физикам. Мои книги по физике помогут молодым физикам «грызть гранит науки». Женьке, конечно, плевать на потомство, но, получая половину гонорара как соавтор, он работает на себя, вот здесь и зарыта собака! В любое время дня и ночи он подстерегает мои свободные минуты. Его природная цепкохвостность поразительна – не отцепится, пока не вытянет из меня нескольких параграфов.

Студенты физфака МГУ в те годы о курсе теоретической физики Ландау—Лифшица говорили так: «В этих книгах нет ни одного слова, написанного рукой Ландау, и нет ни одной мысли Лифшица». Это было известно всем.

Но это все в прошлом. А сейчас ночь 7 января 1962 года. В жизнь вторглась трагическая неожиданность. В дом вошло горе. Около 12 часов ночи пришли физики из больницы, сказали: «Дау в сознание еще не пришел». Женькина жена Леля говорит: «Женя чуть Судака не задушил, он кричал на него: “Убийца!”».

Тут я вспомнила:

– Женя, вы вчера при мне дали слово Дау отвезти его лишь на вокзал. Как вы посмели доверить Судаку везти Дау в гололед в Дубну? Его старый «москвич» весь изранен от его «умения» водить машину. Вы, Женя, первоклассный водитель, я всегда была спокойна, если вы везли Дау. Вы предали Дау! Вы, вы – убийца, хладнокровный убийца! Это вы разрешили Судаку убить Дау. Судак – дурак, ему и его жене импонировало в своей новой «Волге» появиться с Ландау в Дубне!

Физики увели Лифшица.

В действительности было так. 7 января, утром, когда подошло время везти Дау на вокзал, Женька, выйдя из квартиры, обнаружил гололед, забежал наверх к Дау (это впоследствии рассказал сам Ландау):

– Дау, я не хочу свою новую «Волгу» выводить из гаража в гололед. В своей езде я уверен, но вдруг какой-нибудь дурак-водитель поцарапает мою новую машину. Ехать в гололед нельзя, ты отложи свою поездку в Дубну.

Мне Лифшиц не рассказал ни о гололеде, ни о том, что Дау решил ехать с Судакими. Конечно, у Женьки в его лысом с детства черепе серое вещество кипело только алчностью, в основе всех его действий – только корысть. Потерпеть убыток – равносильно смерти! Вчера дал слово (ему было выгодно иногда послужить Ландау), а сегодня его собственности угрожала царапина! Когда он купил машину, то ворвался к нам со словами: «Кора, Дау, слушайте, какую блестящую сделку я совершил: старую «победу», стоившую мне 16 тысяч рублей, я продал за 35 тысяч, а за валюту купил новую «Волгу», за 450 фунтов стерлингов в «Березке». Кора, вы можете сделать то же самое, получив от меня безвозмездно эту информацию. Старые «победы» в большой цене, и желающих приобрести их много. За издание наших книг в Англии и других

странах нам платят валютой, а ты, Дау, еще даже не реализовал премию Фрица Лондона, которую тебе вручало так торжественно канадское посольство!»

Мы с Дау вышли посмотреть на новую «Волгу». Она сияла лысиной и новизной. Он указал.

– Коруша, если хочешь, купи себе новую «Волгу», и валютой можешь пользоваться.

– Зачем, Дау, «победа» у нас почти новая. А Женька, оказывается, влюблен в свою лысину.

– Почему ты так решила? По-моему, он завидует моей шевелюре.

– Тебе он вообще завидует. А почему же он купил машину-автопортрет? Крыша и лысина телесного цвета.

Так вот, если бы Лифшиц не состоял при Ландау, у него не было бы законных фунтов стерлингов и не было бы новой «Волги».

У Дау была другая натура. Если он сказал: «Встречайте десятичасовым поездом из Москвы», то опоздать уже не мог! «Точность – вежливость королей», – повторял он всегда, добавляя: «Я за свою жизнь не опоздал никуда ни на одну минуту». Этим Дау очень гордился. Позволить себе опоздание, когда его ждут, для Дау было как бы антитело! Опоздать – никогда! Нарушить свое слово – невозможно!

Глава 4

Воскресенье.

В этот день из года в год у меня была обязанность с утра запихнуть сына в ванну. Удавалось это всегда с большим трудом.

В 9 часов утра Дау уже позавтракал, а я еще занималась сыном. Заглянув в комнату Гарика, Дау сказал: «На звонок в дверь не выходи, я открою сам». Это был сигнал «стоп», «красный свет».

В нашем брачном «Пакте о ненападении» был пункт полной свободы личной жизни, полной свободы интимной жизни человека.

«Хорошо», – сказала я, подумав, что приедет Женька с девицами в машине. В этом случае Дау всегда подавал сигнал «стоп». Звонок в дверь раздался тогда, когда мы с Гариком завтракали на кухне. Через несколько секунд Дау уже внизу. Целуя меня на прощание, он сказал: «Вечером в четверг буду дома». Трудно поверить, что все это было сегодня утром. Кажется, прошла целая вечность.

Вдруг поздний звонок в дверь. Входит незнакомый человек:

– Вы – жена Ландау?

– Да я. Заходите, раздевайтесь, садитесь.

– Я сяду и не уйду до тех пор, пока вы не добьетесь, чтобы врач Сергей Николаевич Федоров, на этом листке записаны его координаты, заступил на ночное дежурство у постели вашего мужа. Иначе Ландау до утра не доживет. Идите в институт и действуйте. Говорят, Капица вернулся с дачи, несмотря на гололед.

Я побежала в институт, умоляла, просила, рыдала. Меня по телефону соединили с председателем консилиума членом-корреспондентом АН СССР Н.И.Гращенковым.

– Врач Федоров, Сергей Николаевич Федоров? Впервые слышу это имя. Все хотят спасти Ландау, но в палате уже нет места ни для одного врача: для спасения Ландау собран весь цвет московской медицины.

Около двух часов ночи я вернулась домой. Незвестный гость сидел, Гарик спал. После институтского шума в доме была зловещая тишина. Тяжело опустившись на стул, я разрыдалась. Гость сказал:

– Вас убеждали в том, что весь консилиум составляют профессора?

– Да, именно это мне сказали.

– Профессоров там много, но там нет ни одного врача! Звоните, просите, требуйте, настаивайте! Вы имеете юридическое право как жена доверить жизнь своего мужа своему врачу. Только Федоров может спасти жизнь Ландау. Звоните, звоните!

Я позвонила Топчиеву. Он моментально снял трубку, очень внимательно выслушал, записал все координаты Федорова, обещал помочь и позвонить. Мы молча уставились на телефонный аппарат. Александр Васильевич сообщил, что в больнице не согласились, этого врача никто не знает. Я опять стала просить Топчиева, отчаянно рыдая, говоря, что имею юридическое право настаивать. Они не знают Федорова, а я не знаю Гращенкова!

Топчиев был добрый человек – это самое ценное в человеке, особенно, когда он занимает высокий пост. Он ответил, что попробует обойти больницу.

Опять уставились на аппарат. Глухая ночь. В ушах звенит. Время тоже уснуло!

Звонок. Топчиев сообщил: «Есть устный приказ министра здравоохранения товарища Курашова включить по вашей просьбе врача Федорова в консилиум. Я дал распоряжение, за ним ушла машина. Наш начальник лечебного отдела вам позвонит, когда врач Федоров войдет в палату вашего мужа».

– Спасибо, спасибо, спасибо!

Мой ночной таинственный гость встал, поблагодарил меня и исчез.

Врач Сергей Николаевич Федоров был нейрохирург без чинов и званий, но он обладал большим медицинским талантом. Он умел врачевать умирающих больных. От знаменитостей консилиума он получил почти бездыханное тело, пульс едва прощупывался на сонной артерии, только она еще говорила, что жизнь не совсем ушла.

Профессор И.А.Кассирский, член консилиума, в журнале «Здоровье» № 1 за 1963 год писал: «За сорок лет моей врачебной работы было много замечательных исцелений, казалось, безнадежных больных, но воскрешение из мертвых всемирно известного физика Л.Д.Ландау, о чем сообщалось в нашей и зарубежной прессе, – особо волнующий момент. Каждая из полученных им травм могла бы привести к смертельному исходу. Консилиумы собирали по нескольку раз в сутки. Днем и ночью обсуждались необходимые меры на ближайшие несколько часов. Каждый час, каждую минуту все мы задавали себе мучительный вопрос: «Не упущено ли что-нибудь?» В действие вступил пиროговский железный закон умелой организации борьбы за жизнь человека. Отек мозга был предотвращен инъекцией мочевины, была отведена грозная опасность поражения продолговатого мозга. Но от избытка введенной мочевины возникло тяжелейшее осложнение – почки не справлялись с ее выведением, возникло отравление – уремия. Остаточный азот катастрофически нарастал».

Перестали работать почки – это одна из первых легенд о клинической смерти! Но, к счастью, из Чехословакии прилетел нейрохирург Зденек Кунц – крупнейший специалист Европы в этой области. Он сразу спросил:

– Сколько было введено воды? Я вижу, ваш больной на капельном внутривенном питании. Капельное вливание не может вывести из организма избыток мочевины. Челюсти у больного сведены шоковым параличом, глотательный рефлекс отсутствует. Необходимо срочно ввести через нос питательный зонд в желудок и без промедления ввести туда воду. Сколько часов он у вас на внутривенном вливании?

– Уже перевалило за сто часов.

– Очень большая угроза закупорки вен. Немедленно убрать капельницы, зашить вены, питание и воду вводить через носовой зонд. Рецептuru питания я напишу; все измельчать до консистенции жидкой сметаны, пропуская через пищевой комбайн, шприцем нагнетать в тонкий резиновый носовой зонд.

При более тщательном изучении больного профессор Кунц сказал: «Жизнь больного несовместима с полученными травмами. Он умрет, он обречен, протянет еще сутки, не больше. Задерживаться мне нет смысла, я оставил своих больных, которым я нужнее». На следующий день Зденек Кунц улетел, но свой кратковременный визит в Москву, к Ландау, он нанес в такой критический момент и дал очень ценные советы!

Сразу после введения воды в желудок заработали почки, пошла моча и унесла азотные шлаки, грозившие потушить едва теплившуюся жизнь Дау. «Моча пошла», – так отвечали дежурные физики по телефону из больницы № 50. А за стенами больницы, в Москве, в студенческих общежитиях, где кипела молодая жизнь, юный парень на свидании с любимой тоже сообщал: «Знаешь, у Ландау уже пошла моча».

Рассвет нового дня я встретила, сидя у телефона, надеясь, что Дау придет в сознание, и этот черный аппарат сообщит мне радостную весть. Утром накормила сына завтраком, он ушел на работу, ему было 15 лет. В тот год, когда сын заканчивал восьмой класс, в школе был введен одиннадцатый год обучения. Я сразу решила, что для моего сына это неприемлемо, он перестал учить уроки с 6-го класса, оставляя портфель за дверью в передней, меняя утром книги по расписанию.

– Гарик, ты не учишь уроки, но почему у тебя отличные отметки?

– Мама, а зачем учить то, что учитель говорит в классе? Только по литературе – устойчивая тройка, но этой тройке предшествовал звонок по телефону. Дау снял трубку.

– Я говорю с отцом Игоря Ландау?

– Да.

– Я хочу поставить вас в известность, что вам необходимо обратить внимание на ужасный почерк вашего сына.

– Ну что вы, я видел, как он пишет, и ничего страшного не нахожу. Вы бы посмотрели, как пишу я!

– И потом, ваш сын плохо пишет сочинения. Если средний ученик пишет сочинения в два листа, то ваш сын на любую тему пишет только полстраницы.

– А зачем нужно разливать лишнюю воды по страницам тетради? А как с грамотностью у моего сына?

– Пишет он грамотно.

– Благодарю за ваш звонок. Я доволен успеваемостью сына. Советую вам, не придавайте большого значения каллиграфии, в наш век это не так уж важно.

Сам Дау в последнем классе школы написал сочинение на тему «Образ Татьяны в поэме Пушкина “Евгений Онегин”»: «Татьяна Ларина была очень скучная особа». В сочинении только шесть слов, получил, конечно, единицу, однако это не помешало ему как физику!

Комнаты сына и Дау были рядом, на втором этаже нашей квартиры. Дау занимался только дома. От личного кабинета в институте он отказался: «Заседать я не умею, а лежать там негде». Семинары он проводил в конференц-зале. О науке разговаривал с физиками, студентами и посетителями дома, в фойе института или прохаживаясь по длинным институтским коридорам, а в теплые времена года прохаживаясь по территории института.

– Коруш, я пошел в институт почесать язык.

Это значило, что его кто-то ждет, он будет разговаривать о науке или будет кого-нибудь консультировать. Занимался же настоящей наукой он только в одиночестве, лежа на тахте, окруженный подушками.

Созрел как ученый, что называется, в собственном соку. В те годы общение с иностранными учеными было не в моде, а физиков его класса у нас в стране не было. Он почти всегда находился в состоянии творческого напряжения, истощая себя всепоглощающей силой гениального мышления, поражая своим изможденным видом, забывая поесть, теряя сон. Только огненные глаза горели жаждой жизни, жаждой познания, жаждой творчества!

Когда родился сын, я оставила работу. У меня на руках было два младенца. Сын рос, обещая стать взрослым, ну а Даунька был вечным младенцем. С ним забот было куда больше. Его теловычитание заставляло тщательно следить за питанием. Обед – ровно в три часа. С помощью телефона разыскиваю его по институту.

– Дау, ты почему не идешь обедать? Уже половина четвертого.

– Корочка, ты что-то путаешь, я уже обедал.

– Так, интересно, где и что?

– Что – забыл, а обедал, конечно, дома.

– Очень интересно, но ты зайди домой, проверим.

Через несколько минут влетает в кухню: «Как вкусно пахнет! Оказывается, ты права, я действительно голоден».

Как-то в начале лета 1955 года сын на даче заболел. Приготовив завтрак для Дау, я поднялась к нему наверх, он принимал ванну.

– Даунька, с дачи звонил врач. Гарик опять заболел, и я срочно туда еду. Ты скоро спустишься завтракать? На столе в кухне все горячее. Смотри не задерживайся.

– Через пару минут буду внизу.

– Даунька, запомни, на моей половине стола я все приготовила тебе для обеда, там и подробная инструкция, в какой последовательности, что и как все это есть.

– Ты там так долго собираешься быть?

– Не знаю, в каком состоянии Гарик. Если не вернусь к ужину, найдешь все в холодильнике.

Из ванны Дау вынул звонок из института. Его ждали иностранцы. Конечно, он забыл заглянуть в кухню, а в 16.00 у него была лекция в МГУ. Освободившись от иностранцев, он, не заходя домой, сел в ожидавшую его машину. В 18.00, возвращаясь из университета, в машине он почувствовал себя плохо: «Понимаешь, Коруша, мне вдруг стало дурно. Я испугался, и тебя как назло нет. Подумал, если ты еще не вернулась, лягу в постель и вызову врача. Перепугался ужасно! Когда приехал, заглянул в кухню, тебя нет. Но я увидел еду на столе и вспомнил, что у меня с утра не было, что называется, маковой росинки во рту!»

Гарику уже три года. Поднимаюсь к нему в комнату наверх, стараюсь идти очень тихо, чтобы не услышал Дау, с воспитательной целью, сделать сыну замечание, но Дау уже тут как тут: «Коруша, почему ты вмешиваешься в личную жизнь ребенка? Ты ему хочешь испортить детство? Почему ты прежде всего, перед тем как войти в комнату, не постучала, не спросила разрешения войти? Гарик, приучи маму к культурному обращению, запирай свою комнату на ключ, смотри, как легко запирается, раз – и закрыто. Теперь открой – видишь, как легко. Пусть мама не мешает тебе играть». В результате, в 12 часов ночи окно в комнате Гарика освещено. Я сижу у его двери на полу и плачу. Гарик спит на полу одетый. Слышу, пришел Дау:

– Коруша, почему Гарик не спит? Я видел в его комнате свет.

– А ты иди сюда, наверх, загляни в замочную скважину.

– И давно он так спит?

– Очень.

– А что делать?

– Пойди к Шальникову и попроси помощи. Я боюсь сильно стучать и кричать, можно перепугать ребенка.

Экспериментатора А.И.Шальникова пришлось поднять с постели, он сумел открыть дверь.

Сын рос, учился слишком легко, очень увлекался химией. Купила Меньшуткина, поставила в кухне на столе, книга исчезла, оказалась у Гарика под подушкой. Потом он увлекся химическими опытами – на кухне все стреляло. Гарик кончал уже восьмой класс.

Наступила пора юности, избыток энергии. Газетная статья «Плесень» заставила насторожиться. Пока еще сын не понимал, кто его отец. Когда юнец уже споткнулся, поздно говорить о воспитании. Надо заранее позаботиться, чтобы у него не было праздного времени.

– Дау, я считаю, что одиннадцатый класс – это просто глупость, поэтому решила перевести Гарика в школу рабочей молодежи. Днем он будет работать, а вечером учиться в школе рабочей молодежи. Там еще не успели добавить одиннадцатый класс.

– Коруша, неужели ты все это серьезно говоришь?

– Да, я решила это очень твердо!

– А я категорически против! Учеба – вещь серьезная! Работать и учиться трудно. Да и зачем в его возрасте работать? Он перенес такое серьезное заболевание в детстве. Ведь фактически он стал совсем здоровым только последние два года.

– Этого я не могла забыть, но из сына надо вырастить человека, а не «плесень»! Он слишком легко учится! А впрочем, зачем нам спорить. Давай спросим самого Гарика. Ты всегда говорил, что нельзя навязывать родительского мнения.

– Да, конечно, это Гарик должен решить сам. Нельзя ему навязывать родительского мнения.

– Гарик, как ты хочешь: учиться в одиннадцатом классе или с утра работать в химической лаборатории, а вечером учиться в школе рабочей молодежи?

– Разве меня пустят работать в химическую лабораторию?

– Конечно, пустят, ты даже будешь получать свою заработную плату.

– Я очень хочу работать в химической лаборатории.

Потом Дау мне сказал: «Ты не права, Коруша. Ты сыграла на его страсти к химическим опытам».

– Даунька, на мою ошибку укажет только время. Сын – это большая ответственность! Работа и немножко жесткие условия ему не повредят.

– Главное, Коруша, Гарик сам так хочет.

Когда первого сентября ребята – шумные и веселые – неслись в школу, мне стало грустно. А когда первого октября вечером после работы сын уехал на первый сбор в вечернюю школу и вернулся только после 23 часов, я уже ждала его на троллейбусной остановке, жадно оглядывая пустые проходившие троллейбусы.

– Гарик, наконец-то! Почему так поздно? Было много уроков?

– Нет, мама, мы не учились. У нас было только собрание. Оно очень поздно началось.

– Что же вам сказали на собрании?

– Нам сказали, чтобы мы на занятия не приходили пьяными.

У меня просто остановилось дыхание. Хорошо, что Дау этого не слышал. Потом занятия наладились.

Работая со взрослыми в институте, Гарик и сам быстро вырос. Немного смущаясь, но с большим восторгом, еще детским языком он говорил об отце: «Мама, я слышал, про папу говорили, что он... это правда?»

– Да, сынуля, наш папка очень умный. Да, сынуля, наш папка очень талантлив.

В этот страшный год, роковой для нас, сын стал понимать человеческую ценность своего отца.

У Гарика – день первой полочки.

– Мама, мне сегодня в институте дали 20 рублей.

– Да, это твои деньги, первые заработанные.

– А можно мне их потратить, на что я захочу?

– Конечно, можно.

– Все?

– Да, все.

Он вернулся с двумя маленькими кожаными футлярчиками, прошмыгнул наверх, к себе в комнату и заперся. Потом я нашла спрятанные футлярчики с какой-то металлической смесью. Он с детства стремился все разобрать на составные части, а потом конструировать по своему усмотрению. Дау скрытой камерой наблюдал за работающим сыном. Как-то, весело потирая руки, он мне сказал: «Коруша, ты и на этот раз оказалась права, Гарик очень преуспевает на работе, его, одного из всех учеников-лаборантов, уже стали допускать к сложным приборам».

– А когда я еще была права?

– В тот трагический момент, когда консилиум нейрохирургов вынес шестилетнему Гарику свой страшный приговор. Это забыть невозможно. Помнишь, в каком состоянии мы вернулись домой? В медицине я не разбираюсь, но привык выполнять предписания врачей. Ты тогда просто окаменела. Выпроводив Гарика гулять, ты пришла ко мне и спросила: «Дау, кто имеет больше прав на сына, ты или я?»

– Конечно, Коруша, ты! Ты его родила. Я всегда говорил: «Если бы мужчинам пришлось рожать, человечество было бы обречено на вымирание!»

– Так вот, Даунька, милый, мое решение окончательное. Этой осенью наш Гарик идет в школу. Я отбрасываю все диагнозы, все предписания этих знаменитых медиков-нейрохирургов. Я им не верю!

Гарик родился нормальным, здоровым ребенком. В пять лет заболел тяжелым вирусным гриппом. После болезни у него периодически стали повторяться приступы рвоты с высокой температурой. Эти приступы длились от трех до пяти дней с промежутками около десяти дней. Через год краснощекий карапуз превратился в прозрачный скелетик. Все обследования, все лечения были безрезультатны. Потом пригласили детского невропатолога, профессора Цукер. Она сделала рентгеновский снимок головы, было обнаружено высокое мозговое давление. Вот с этим снимком мы попали в институт нейрохирургии имени Н.Н.Бурденко. Консилиум состоял из светил нейрохирургии – Егорова, Корнянского и других.

– Какими инфекционными болезнями болел ваш сын?

– Пока никакими.

– Когда он должен идти в школу?

– Через три месяца.

– У вашего сына очень высокое внутричерепное давление – это показывает рентгеновский снимок. Здесь ошибок в заключении быть не может. Если он заболит корью, к примеру, у него будет осложнение на самое узкое место в организме, в данном случае – на мозг. Ему будет угрожать менингит. Если он не умрет, то станет дефективным. Поэтому школа запрещается, общаться с детьми тоже нельзя. Сын знаменитого академика может учиться с репетиторами и сдавать экзамены экстерном. Другого выхода нет! Это заболевание никак не лечится. С возрастом, если кривая пойдет вверх, может выздороветь. Если же кривая пойдет вниз – умрет. Необходимо ежегодно делать рентген мозга. По снимкам мы будем видеть, куда пойдет кривая болезни – вверх или вниз.

– Даунька, рентгеновские снимки тоже делать не будем. Раз болезнь не лечится, зачем их делать? А это вредно ребенку. Растить сына без школы, без сверстников – это заведомо растить неполноценного человека. От Гарика мы его болезнь скроем. Осенью он пойдет в школу. Наблюдать его буду я сама!

– Корочка, подумай, ты берешь на себя непосильную ответственность!

– Дау, это я решила окончательно. Не хочу верить медикам. Я верю в защитные силы организма – это большая сила, порой творящая чудеса. Вот в эту силу я хочу верить!

Гарик в школьные годы не болел инфекционными болезнями, только периодически его валила с ног мозговая рвота. Два раза эпидемия кори была так сильна, что в классе оставалось 3–5 школьников. В их числе всегда был Гарик. В 6-м классе приступы мозговой рвоты уже не наблюдались, а в 7 и 8-м классах сын стал совсем здоров. Без медиков-профессоров. Гарик переболел корью уже взрослым в 1974 году без осложнений. Мне необходимо было описать свою первую встречу со светилами медицины – Егоровым и Корнянским, потому что судьба в злой час снова сведет меня с ними!

Глава 5

Утром 8 января Гарик ушел на работу, а я помчалась в 50-ю больницу.

Разделась, вошла в лифт, но чьи-то сильные, враждебные руки бесцеремонно выволокли меня из лифта, втиснули в шубу, нахлобучили шапку. Я рыдала, вырывалась, кричала: «Хочу видеть Дау!» Ничего не помогало. Их было много, они были сильнее, они втолкнули меня в машину и велели шоферу отвезти меня домой! Почему меня не пустили к Дау? Как смели не пустить к Дау?

И я была обречена сидеть у телефона и ждать звонка из больницы. Было это невыносимо. Телефон молчал, молчал, молчал!

Не выдержала, пошла в институт, дали телефон дежурных физиков в больнице. Позвонила. Телефон ответил: «У телефона дежурный физик Зинаида Горобец». От неожиданности и удивления трубка упала на рычаг. Что это? Дежурный физик Горобец? С каких пор Женькина любовница стала физиком? Горобец, о которой Дау говорил, что она ходит не ногами, а грудью. Этим Женьку и соблазнила. Ведь у бедного Женьки все девушки до Зиночки были досковаты!

Телефон зазвонил только в восемь часов вечера.

– С вами говорит профессор Гращенков. Мы должны поставить вас в известность как жену, что сейчас по решению консилиума мы приступаем к мозговой операции. Результаты после операции я вам лично сообщу. Вы спать не будете?

– О нет, что вы! Я от телефона не отойду до вашего звонка! Но вы непременно позвоните?

– Да, конечно, как может быть иначе?

Напряженно, не сводя глаз с телефона, я ждала. Шли часы. Звонка не было. С каждой минутой уходила надежда.

В пять часов утра потеряла сознание. Гарик вызвал скорую. Очнувшись в постели, скорая уехала, возле меня был Гарик.

– Гарик, у меня просто слабость, телефон не звонил?

– Нет.

– Гарик, поставь мне телефон на подушку.

9 января утром пришла Леля, Женькина жена. Я стала рыдать, говоря:

– Вы пришли мне сказать, что Дау уже нет! Мне вчера умышленно не позвонили о результатах мозговой операции!

– Кора, вы что спятили? Какая мозговая операция? Просто пропилили узкую щель в черепе и увидели, что гематомы нет. Кора чистая. Это всех медиков очень обрадовало. Вся операция продолжалась 20 минут. Вам просто забыли позвонить. Это нельзя назвать мозговой операцией.

– Боже, как я счастлива! Лелечка, милая, спасибо!

– Можете меня не благодарить. Я на вас очень сердита. Зачем вы на Женю так кричали да еще при физиках? Женя из больницы вернулся в плохом состоянии, на нервной почве возник понос. Он всю ночь просидел на унитазе, рыдая: «Теперь я творчески погиб! Сам Дау всегда говорил, что творческая смерть хуже физической!»

– Так что Женя в большей опасности, чем Дау? Вы это хотите сказать?

– Бросьте, Кора, придирайтесь к словам. Мы просто все в отчаянии! Я пришла к вам за деньгами. Комитету физиков при больнице нужны деньги, и немалые.

– У меня есть только тысяча рублей. Это все, что осталось после покупки новой «Волги».

– И еще, Кора, мне следует вас отругать. Вы не должны были всовывать своего врача в консилиум, да еще через самого министра Курашова. Что вы понимаете во врачах? Вы поставили меня в нелепое положение, ведь в консилиуме я представляла вашего врача.

– Леля, но ведь вы – патологоанатом. Что вам делать в консилиуме? Скажите, почему меня не пустили к Дау в больницу?

– А вы ездили?

– Ездила вчера утром, но меня просто взащей вытолкали вон!

– Кора, я этого не знаю.

Я была так счастлива, что это не была серьезная мозговая операция. В мозг, тем более в мозг Дау, не должна лезть рука человека. Кроме того, в мозговой коре нет гематомы! Но еще и сознания нет, опасность не миновала. Она надо мной висит и в любой момент может обрушиться и меня раздавить!

А в это время в больнице врач Федоров не отходил от Дау в течение уже 96 часов, днем и ночью один на один со смертью, как в бою, без сна. Это был настоящий подвиг настоящего врача. Как могла Леля сравнивать себя с таким блестящим врачом, как С.Н.Федоров? Он один стоил всего консилиума. Как часто профессора медицины не умеют врачевать! Консилиум заседал, а врачевал только С.Н.Федоров.

Между тем консилиум уже сообщил дежурным физикам: наступила клиническая смерть! (Это когда, введя мочевину, не дали внутрь воды.) На самом деле была смертельная агония. Прилет Кунца отодвинул агонию и спас от настоящей смерти. Моя благодарность Зденеку Кунцу безгранична.

В институте у входа через каждые два часа на большом щите вывешивалась сводка состояния здоровья Ландау. Я все время бегала ее смотреть. Вдруг увидела – на белом плакате появились беспощадные три слова, написанные черной жирной краской: «Наступила клиническая смерть». Все головы повернулись ко мне, все взгляды впились в меня, все это вытолкнуло меня из института. В мозгу одна мысль: сейчас Гарик придет обедать, он увидит страшные черные слова.

подавая Гарику обед, спросила:

– Ты шел мимо доски, что там написано о папе?

– Мама, я не читаю. Все так смотрят на меня, я стараюсь поскорее уйти.

В ночь на 10 января разорванные легкие отказались снабжать кислородом организм больного.

Федоров мгновенно произвел трахеотомию, машина взяла на себя функцию дыхания.

Это произошло в три часа ночи, а утром в 11 часов пришел в палату к Ландау Н.И.Гращенков на заседание консилиума «акамедиков». Увидев, что Ландау уже подключили дыхательную машину, он начал кричать на С.Н.Федорова:

– Как вы осмелились подключить больному дыхательную машину без разрешения консилиума?

– Если бы я этого не сделал ночью, консилиуму уже не пришлось бы заседать сегодня! – ответил Федоров.

Что ж, речью владеют все, а ум дан немногим.

Глава 6

Свою теорию «как надо правильно строить мужчине свою личную жизнь» Дау считал выдающейся теорией. Он всегда сожалел, что его лучшая теория никогда не будет напечатана. Как мне хочется эту теорию жизни «опубликовать». Ведь будучи морально чистым (девственником), он ее тщательно разработал и как результат появился «Брачный пакт о ненападении». Неправда ли, звучит почти анекдотически, но у Дау было очень чистое, пламенное сердце, его теоретические выводы о любви человеческой опирались на классическую литературу.

Когда я пыталась ему доказать, как необходима верность до гроба в браке, он слушал с тихой, доброй улыбкой.

– Милая моя Коруша, а ведь еще мудрецы древности говорили: нам дозволено судьбой счастье с женщиной любой!

Опять забежала Женькина жена:

– Кора, комитету физиков нужны еще деньги!

Открыла ящик письменного стола, где Дау хранил свои деньги.

Все деньги перекочевали из стола Дау в большую Лелину сумку, которую она даже не смогла закрыть.

Согласно «Брачному пакту о ненападении» все денежные доходы нашей семьи делились так: 60 процентов жене на все потребности семьи, включая и мужа, 40 – мужу в личное пользование.

– Коруша, ты должна знать: свои 40 процентов я буду тратить на филантропию, помощь ближнему и, естественно, на тех девушек, с которыми буду встречаться. Любовь чиста и бескорыстна. Покупать любовь – смертельный грех, так что на девушек пойдет самая малость: цветы, шоколад, театр. Конечно, Корочка, сейчас я так влюблен в тебя, даже не могу смотреть ни на одну женщину. В сравнении с тобой проигрывают все! Но в конце концов любовницы у меня обязательно будут!

Его филантропия в основном заключалась в том, что он материально содержал семьи пяти физиков, умерших в тюрьме в эпоху сталинизма.

– Знаешь, Корочка, я очень люблю дарить хорошим людям деньги. Они очень радуются, когда вдруг просто из симпатии получают приличную сумму денег.

Сам тратить деньги не умел: это очень большая канитель. Куда как проще их раздаривать!

Был такой случай. Сразу после войны он получил Сталинскую премию. Взяв в сумку 20 тысяч, я решила обновить мебель. Поехала в центр осуществлять свою затею. Жулики, разрезав мою сумку, вытащили все деньги. Вернувшись домой, я разрыдалась. Даунька слетел ко мне вниз.

– Корочка, что случилось?

– У меня из сумки в троллейбусе вытащили 20 тысяч рублей.

– Ты из-за такого пустяка плачешь! Как тебе не стыдно! Ты лучше подумай о том несчастном воришке, который лез к тебе в сумку, рассчитывая на сотни две, и вдруг ему неожиданно такая сумма! Может быть, у этого человека сегодня самый счастливый день! Подумай лучше о той большой радости, которую ты доставила этому человеку. Нам ведь совсем не нужна новая роскошная мебель, вполне обойдемся.

На сберегательной книжке он свои деньги не держал. Они хранились в среднем ящике письменного стола: а вдруг кто-нибудь попросит?

– Но ты теряешь проценты! – восклицал Женька.

– Женька, ты забываешь: в стране строящегося социализма ренты нам не нужны.

Дау называл средний ящик своего стола «Фондом помощи подкаблучным мужчинам». Однажды он влетел в кухню каким-то замысловатым танцем, в восторге прошелся по ней и сказал:

– Угадай, кто у меня сейчас был?

– Ну, конечно, Женька.

– Вот и нет! Был один из благороднейших академиков, сам Лев Андреевич Арцимович! Меня привело в восторг, что этот закабаленный подкаблучник вылез из-под каблука жены и едет на курорт с любовницей. Я из своего фонда одолжил ему две тысячи: он так просил.

Когда летом я купила новую «Волгу», то истратила все свои сбережения. Старую «Победу» умудрилась продать за расписку. Этот позорный для меня факт от Дау я скрыла.

– Даунька, деньги за проданную «Победу» я раздарила своим родственникам. Ты ведь не против?

– Ну, что ты, Коруша. Буду очень рад, если ты найдешь вкус в филантропии.

– Даунька, меня немного пугает тот факт, что у нас нет никаких сбережений.

– Коруша, неужели ты захотела копить деньги?

– Конечно, не так, как копит деньги твой Женька! Но какую-то сумму надо иметь на книжке.

– Ты боишься, что я подохну? Так ты получишь приличную пенсию, потом мне обязательно присудят Ленинскую премию посмертно. Многим ученым я стою поперек горла, многие лжеученые просто жаждут выпускать липовые работы, но очень боятся меня. За посмертное вручение мне Ленинской премии проголосуют все сто процентов. И у тебя будет сразу крупная сумма денег. Так что, Корушка, копить деньги нам нет никакого смысла. Я был бы очень счастлив, если бы ты вместо каких-то люстр, хрусталя, дорогих сервизов и других совершенно бесполезных вещей научилась дарить деньги хорошим людям. Вот, представь, живет очень симпатичный человек. Он мечтает купить мотоцикл, скопить деньги ему трудно: семья, дети и т.д. И вдруг в один прекрасный день он получает сумму стоимости самого лучшего мотоцикла от какого-нибудь Гарун-Аль-Рашида!

Говорил это Дау не без оснований. Он умел красиво дарить деньги, а это совсем не так просто.

Глава 7

Наступило 12 января. С большим усилием встаю готовить завтрак Гарику. Холодильник оказался пуст, все продукты кончились.

– Гарик, сегодня на завтрак только чай, варенье, сухари. На обед то же самое. В школу не ходи, пока я не раздобуду денег.

Позже зашла Валя Щорс, жена Халатникова:

– Кора, почему вы не приходите в больницу?

– Валя, я была, но меня не допустили к Дау, вероятно, жалеючи, но очень грубо. Просто выбросили вон из больницы.

– Кора, я не понимаю вас. Да знаете ли вы, что там с этой Зинаидой Горобец, штатной любовницей Лифшица, все время находится одна из девиц Дау, какая-то Ирина Рыбникова. Ее Лифшиц всем врачам представляет как жену Ландау, говорит, что с Корой он не успел развестись. Вы вообще страшно распустили своего Дау! На вашем месте я бы немедленно вышвырнула вон эту девицу. (Так вот почему физики меня не пустили к Дау!) Кора, вы должны взять себя в руки, вставайте, одевайтесь и сейчас же со мной поедете в больницу. Там надо навести порядок! Эту Горобец тоже надо вышвырнуть вон из больницы. Попробовал бы кто-нибудь привести девицу к моему Исааку!

– Милая Валя, Дау – не Исаак. Если там Женька с девицами, то мне места нет. Когда Даунька придет в сознание, он сам меня позовет. Тогда порядок восстановится сам собою. Мне никому не нужно доказывать, что я жена Ландау. Валечка, скажите, ведь вы врач, есть ли надежда, будет ли он жить?

– Кора, в своем ли вы уме? Так вы не поедете выгонять эту девицу?

– Нет, Валя, я не имею права ее выгнать. Только скажите, есть ли надежда на жизнь? Будет Дау жить?

– Надежды нет никакой. Но, Кора, очень нужны деньги. Лифшицы очень нецелесообразно тратят ваши деньги, они устраивают несколько раз в сутки банкеты для консилиума и физиков. Все едят зернистую икру ложками. Но ведь там еще очень многие дежурят: шоферы, медсестры и разные добровольные дежурные. Все голодны. У больницы нет на это средств. Я решила, что необходимо организовать бутерброды для всех. Денег на это надо немало.

– Валя, я все отдала Леле. У меня нет больше денег.

– Как нет? Тогда возьмите с книжки.

– Да нет, у меня даже сберкнижки нет. Вот 25-го получу за звание и 17-го будет зарплата.

– Кора, в больнице нужны деньги, чтобы кормить людей сегодня, а не завтра.

Валя ушла, окинув меня презрительным взглядом, не поверив, что у меня нет денег. А ведь, когда она вошла, я надеялась у нее одолжить денег на обед моему Гарику. Вот какие уроки иногда преподносит жизнь! Надо расплачиваться за те необдуманные поступки, на которые я так легко шла. Все хотела подавить в себе необузданную ревность.

Года два назад у Дау была возлюбленная, некая Гера. Она дружила с Мариной, женой Алиханова. Дау с Герой очень часто заходили к Алихановым (меня поставили в известность друзья).

Как-то мне позвонила Марина:

– Кора, моей знакомой надо срочно продать дорогие бриллиантовые серьги. Вы не хотели бы их приобрести? Им цена 60 тысяч.

– Спасибо, Марина. Я как раз ищу такие серьги.

Записав координаты, я обещала съездить посмотреть. Серьги меня не интересовали, но я горела желанием чем угодно насолить этой Гере. Мой замысел удался. С очередного свидания

Дау вернулся слишком рано, зашел ко мне. О, как я ликовала, глядя на не свойственное ему мрачное выражение лица.

– Коруша, какие это бриллианты ты купила?

– Я?

– Да, ты. Причем очень дорогие.

– Так это по звонку Марины. Понимаешь, Дау, я никогда не видела черных бриллиантов (это я уже врала), просто хотела съездить посмотреть, а потом решила не беспокоить зря людей. Но почему тебя коснулась пустая телефонная болтовня?

– Всякая ложь мне отвратительна. Гера устроила мне омерзительную сцену.

– Гера? А причем здесь Гера?

– Она дружит с Мариной. Вот теперь попробуй доказать, что ты не верблюд.

Сейчас я себе была отвратительна. Все это было так мелко. Я была недостойна великодушия моего Дауньки.

Вскоре после Вали забежал Шальников:

– Кора, я пришел по поручению комитета физиков при больнице. Возле Дау дежурят восемь медсестер. Им ежемесячно надо доплачивать по 50 рублей. Комитету нужны деньги.

– Шурочка, все свои деньги и все деньги из ящика Дау я отдала Лифшицам на больницу. У меня просто уже нет денег. Мое состояние ухудшается. Я с трудом встаю. Пожалуйста, оформите через институт на себя доверенность в получении денег за звание. Эти 500 рублей ежемесячно передавайте в больницу доплачивать медсестрам, тем более вы там же ежемесячно получаете свои деньги за звание.

Шальников оформил доверенность. Зарплата медсестрам при Дау была обеспечена, но надо что-то продавать. Продавать есть что, но нет сил встать!

14 января 1962 года позвонили из больницы: «Приезжайте с семьей попрощаться. Эту ночь ваш муж не переживет». Ландау умирает. Я уже не кричала, не рыдала. Только помню полное опустошение и оцепенение. Все мысли голову покинули, все опустошилось.

Вбегает Леля:

– Кора, комитету физиков опять нужны деньги!

Я собрала все свои силы и тихо, не своим голосом ответила так:

– Леля, мне только что сообщили: Дау умирает. Денег у меня больше нет. Есть только Гарик.

Леля выскочила, побежала в институт, всех оповестила:

– Кора сказала: денег комитету физиков она больше не даст, потому что Дау все равно умрет, а у нее есть Гарик.

Вот какие бывают интеллигентные люди. А я ведь была в дружбе с ней! Вот так, друзья по черный день!

Я слышала, как вошел Гарик, что-то спросил, а на меня навалилась всепоглощающая, невыносимая тяжесть моего существования. Я не могла открыть глаза и пошевелиться, сказать моему мальчику, что я жива. Не хватало сил. Гарик вызвал «скорую». Меня начали колоть, потом врач сказал, что меня надо немедленно забрать в больницу: давление 60 на 40, и сердце сдает.

В моем опустошенном мозгу возникла мысль: «Это они мне в больнице хотят сообщить об уже состоявшейся смерти Дау». «Больница» – это слово наводило ужас:

– Нет, нет. В больницу ни за что! Я не хочу в больницу, у меня нет сил! Умоляю, насильно не везите в больницу!

Я беспомощно цеплялась сама не знаю за что. Хотелось верить в надежду на жизнь Дау.

Кто-то подошел и сказал: «Пожалейте сына. Ему будет очень тяжело ухаживать за вами. Вас необходимо госпитализировать».

Приехала моя племянница Майя. Она сказала:

– Кора, ведь Гарик все ночи напролет проводит у твоей двери.

Бедный мой мальчик. Я этого не знала. Согласилась ехать в больницу.

– Майя, а ты останешься с Гариком?

– Да, останусь.

– Ты только сразу что-нибудь продай. Все деньги из дома у меня забрали Лифшицы.

Корми Гарика.

– Хорошо. Я все сделаю.

В больнице Академии наук меня уже три дня ждала отдельная комфортабельная палата. Но в ней нет телефона, и я не знаю, что там в больнице № 50. Наступила ночь. В сердце вполз щемящий страх. Все еще звенят слова: «Надежды больше нет. Ландау умирает». Что-то мешает лежать. Это оказались радионаушники. Я положила их на тумбочку. Вдруг в тишине ночи раздались тихие траурные мелодии. Они неслись с тумбочки из невключенных наушников. Я тщательно завернула их в толстое мохнатое полотенце, запрятала в тумбочку. Но траурные мелодии нарастали. Звуки шли из розетки радиосети. К этой душераздирающей музыке еще добавился странный шелест бумаги. Открываю глаза: на меня сыпятся газеты, в которых некрологи, некрологи, некрологи! Газеты издают удушливый запах свежей краски. Я начинаю задыхаться, с трудом надеваю халат, цепляясь за стены, открываю дверь в коридор. Там приглушенный свет, запах краски и музыка исчезли. Навстречу идет медсестра.

– Почему вы не спите?

– Сестричка, милая, где-нибудь на этаже есть городской телефон?

– Сейчас глухая ночь. Куда вы будете звонить?

– В больницу № 50. Там дежурный физик снимет трубку.

Медсестра привела меня к телефону. Набрав номер, я спросила о состоянии Ландау. Ответили сейчас же: «Улучшений нет». Видно, им там не до сна.

– А Федоров у него?

– Да! Федоров не отходит от Ландау. Если бы не он, мы давно уже потеряли бы Дау. Кора, я узнал вас. С вами говорит Семен. Как вы себя чувствуете? Говорят, что вы в больнице?

– Да, Семен, я звоню из больницы. Спасибо! До свидания!

Это был тот самый Семен, которого Даунька спешил спасать! Он сказал, что Федоров не отходит. Это сообщение Семена вселяло какие-то крохи надежды.

– Сестричка, я посижу здесь у окна.

– Нет. Пойдемте, я вас уложу.

– Ведь я все равно не засну.

– Давайте я вам сделаю укол, заснете от укола.

– Но там в палате какой-то запах. Там надо все проветрить.

– Хорошо, я проветрю и через десять минут приду за вами.

Когда сестра опять водворила меня в палату, снова на меня стали сыпаться газеты с некрологами и удушливой краской. Тайком я выбралась из палаты и устроилась в темном углу коридора. С рассветом вошла в палату. Все галлюцинации исчезли.

В десять часов утра пришел главный врач Хотько. Я впились глазами в его лицо. Оно было спокойно. Добрые глаза. Нет, этот человек не принес мне страшной вести. Он сказал:

– Я только что получил сообщение из больницы № 50. Состояние академика Ландау выравнивается. Температура упала. Этой ночью из Америки прилетел самолет, он привез специально для Ландау новые страшной силы антибиотики. Физики сразу их доставили в больницу, и смерть отступила. Эти антибиотики потушили пожар в легких. Вечером я еще раз зайду

к вам, как только получу сведения о вашем муже. Но мне доложили, что вы ночь провели вне палаты. Вам нужно успокоиться и набраться сил. Ведь вам придется ставить мужа на ноги.

Эти слова в буквальном смысле слова оказались пророческими! Этот бог ужасно плохо создал тело человека. Оно слишком ранимо, слишком незащищено. А куда же подевались те дьяволы, которые за роспись человеческой кровью скупали души? Где разыскать такого дьявола? За жизнь Ландау не только я, все его ученики-физики продали бы свои души!

На все религии, на всех богов я затаила зло. Почему с таким пакостным человеком, как Женька Лифшиц, все так благополучно? Почему бог открыл ему зеленую улицу в жизни? Сегодня он дал слово Дау отвезти его не в Дубну, а лишь на Московский вокзал. Завтра без зазрения совести взял свое слово назад – из-за отсутствия совести как таковой.

Терзаясь такими мыслями, я лежала в палате. Вошла медсестра:

– Вас сейчас будет осматривать профессор-психиатр.

– Меня? Психиатр? А зачем? Мне психиатр не нужен.

– Это вам так кажется, а в наше нервное отделение очень часто к больным приглашают психиатров из психиатрических лечебниц.

– А бывают случаи перевода из вашего отделения в психиатрические?

– Конечно, бывают.

Вошел психиатр и с ним врач Зарочинцева. Интуиция подсказала мне скрыть ночные галлюцинации.

– Как спали?

– Я не спала.

– У вас было ощущение страха? Вы боялись войти в палату?

– Нет, вы ошибаетесь. Я звонила в больницу № 50.

– Всю ночь?

– Консилиум профессоров мне сообщил, что мой муж этой ночью умрет.

– Но ведь сегодня вам уже сообщили, что состояние вашего мужа выравнивается?

– Да, я узнала об этом в 10 часов утра, но в сознание он еще не пришел.

– У вас очень напряжены нервы. А галлюцинации у вас бывают?

– Да, были, – умышленно сделав паузу, добавила, – в детстве, когда я болела сыпным тифом, а сейчас не бывают.

Алчные огни в глазах психиатра погасли. После визита врачей сразу пришла Майя.

– Корочка, мне сказали, что тебя осматривал профессор-психиатр. Зачем тебе психиатр?

– Маечка, просто в этом отделении это очень принято. Профессор был явно разочарован результатом своего визита.

Потом Майя взволнованно сказала: «Вчера поздно ночью, когда ты уже была в больнице, а Гарик спал, позвонила жена Лифшица. Она сказала, что Евгений Михайлович брал для Дау в библиотеке книги, ему их нужно срочно вернуть. Они пришли вместе и взяли не только книги. Они еще забрали все подарки, полученные им в день своего пятидесятилетия. Что теперь делать?»

– Ничего. Если Дау будет жить, Женька прибежит и все вернет. А Дау будет жить! Не верить этому я не могу. Состояние уже выравнивается.

– Кора, ты сама достань деньги, с комиссионными такая волокита, и потом я не знаю, что именно продавать.

– Маечка, предложи своим соседям что-нибудь из хрусталя, за ним все охотятся. У меня много уникального хрусталя.

– Хорошо. А что тебе принести?

– Маечка, мне ничего не нужно. У меня на нервной почве спазмы пищевода. Я могу пить только горячий чай и суп, а этим я здесь обеспечена.

Как-то врач, выслушивая мое сердце, сказал:

– Вы знаете, что у вас в груди опухоль?

– Да, знаю. Мне на 9 января была назначена операция в онкологическом институте, но после 7 января я совсем об этом забыла.

– Сейчас вас оперировать нельзя, подлечим сердце, тогда сделаем операцию.

18 января Маечка мне сообщила, что Институт физпроблем не будет выплачивать заработную плату академику Ландау, а я так ждала 17-го числа, чтобы обеспечить сыну нормальное питание. У него, по моей вине, большая нагрузка: надо учиться и работать!

– Майя, почему Гарику не выдали денег отца в институте?

– Ему заявили, что согласно новому закону от 2 января 1962 года травмы, полученные в выходные дни, не оплачиваются. Этот закон направлен на борьбу с пьянством и хулиганством. Гарик получил свои 20 рублей, я продаю твой хрусталь знакомым. На питание Гарику пока хватает.

– Нет, Майя, надо одолжить денег, но у кого? Все друзья должны Дау. Подумают, что я требую долги. Это неудобно. Вот только один академик Кикоин – верный муж, он не одалживался у Дау. Ты найди дома в телефонной книжке его телефон, попроси его зайти ко мне в больницу. Он бывал у нас в доме и любит Дау.

Вечером того же дня академик Кикоин вошел ко мне в палату, а я спасовала. Оказалось, что просить денег у чужих трудно. Или меня парализовала его сухость? Никакого участия, никакого расположения к себе я не почувствовала. Попросить у него денег я не смогла. Не помню, как я объяснила свою просьбу навестить меня, на душе было мутно.

Через несколько лет я встретила с этим важным академиком и рассказала ему, что просила зайти в больницу, чтобы одолжить денег для сына, на обед!

– О, как же я сам не догадался предложить вам помощь, узнать, есть ли у вас в чем-нибудь нужда?

Наступил февраль. Там, в далекой 50-й больнице, состояние Дауньки как-то стабилизировалось! Сказали: будет жить. Но сознание упорно не возвращалось. Это очень пугало. Меня перевели на шестой этаж в хирургическое отделение. Была назначена операция по удалению опухоли в левой груди. Перед операцией пришла Маечка. Спросила:

– Ты операции не боишься?

– Все мои страхи связаны только с тем, почему у Дау так долго не возвращается сознание.

– Кора, а ведь я в итоге распродам весь твой хрусталь. Скажи, неужели Кикоин отказался одолжить тебе денег?

– Маечка, он был так благополучен, так поглощен собственным достоинством. Человеческой доброты, на которую был так щедр Дау, у Кикоина вовсе нет! Продавай весь хрусталь. Даунька считал его бесполезным, а эти предметы теперь приносят пользу.

– А кроме Кикоина к тебе никто не приходил?

– Нет, никто. Ведь все друзья поглощены здоровьем Дауньки. Это так естественно! Если бы я смогла, я бы тоже помчалась сейчас в больницу № 50. Туда приезжают корреспонденты всех стран и фоторепортеры тоже.

– Но у тебя было много приятельниц! Все они жены физиков.

– Майя, ведь все друзья по черный день, это очень горько, такова жизнь.

Как-то у нас в гостях была Лидия Чуковская. Специально в ее честь я приготовила свой знаменитый вишневый пирог. Уходя, она сказала: «Ты знаешь, Дау, я твою Кору не могу принять всерьез! Она просто елочная игрушка».

– Кора, эта дочь Чуковского просто крокодил, я с ней встречалась.

– Майя, я не восприняла ее мнение как комплимент.

Личность Дау была настолько яркой и интересной, что все не принималось в расчет, все как-то переставало существовать в сравнении с ним, с этим «ДАУ». После ухода Чуковской я все-таки тогда сказала ему: «Разве она не знает, что елочные игрушки не могут печь такие пироги?» Дау рассмеялся: «Корочка, она так сказала из-за твоей красоты!» – «Нет, Дау, меня она восприняла как предмет. В этом есть большой смысл. У меня, вероятно, очень легкомысленный вид».

Глава 8

В больнице я всегда напряженно ждала визита главврача, который ежедневно информировал меня о состоянии Дау, надеясь, что он войдет и скажет: «Ваш муж пришел в сознание!» Ведь в литературе, в театре, в кино, где очень талантливые люди стремятся воспроизвести жизнь такой, как она есть, все тяжелобольные наконец открывают глаза, приходят в сознание, тревоги исчезают, возвращается счастье. Мне пришлось убедиться: в жизни все сложнее, жизнь бывает жестока! Доброта, терпимость, человечность, где вы?

Наступил день операции. Лежа на операционном столе, чувствую: главный хирург больницы АН СССР вводит местный наркоз совсем не в то место груди, где находится моя опухоль. Пытаюсь помочь:

– Доктор, там, где опухоль, есть большой след от пункции онкологов.

Хирург Романенко заорал:

– Не мешать, не разговаривать, не вам меня учить, работаю по карточке, все знаю!

Ночью бинт сполз, и я легко обнаружила свою нетронутую опухоль. Утром зашел Романенко:

– Как себя чувствуете после операции?

– Доктор, моя опухоль осталась при мне.

– Не может этого быть!

– Посмотрите, вот опухоль, на ней яркий след пункции онкологов.

– Да, и очень большая опухоль! А что же я вам вчера вырезал?

– Вам, доктор, лучше знать.

– Вы не возражаете, если я сейчас же возьму вас в операционную? Через полчаса за вами приедет коляска.

За эти полчаса все хирургическое отделение высыпало в коридор. Все знали: вчера удалили опухоль, а сегодня снова везут в операционную, следовательно, дела плохи! После операции пришла Майя, очень испуганная:

– Кора, я уже все знаю! Тебе делали повторную операцию и полностью удалили грудь!

– Откуда ты это взяла?

– Уже весь институт об этом говорит. Неужели это сплетня?

– Да нет. Вчера хирург ошибся. Сам не знает, что вырезал. А сегодня он сказал, что это настоящая опухоль, и послал на анализ.

– Тебе сказали, когда будет известен результат анализа?

– Сказали, но я не помню.

– Не бойшься положительного анализа?

– Нет, всю жизнь хочу умереть раньше Дау. Майя, ты была у Дау? Как он?

– Все так же. Сказали: будет жить. Но в сознание не приходит.

– Майя, а что говорит Федоров?

– А он не разговаривает. Ему говорить некогда. Он боролся со смертью. Он 14 суток не отходил от Дау, ел, спал на ходу, на 15-е сутки заявил консилиуму: «Теперь Ландау не умрет». После такого подвига наконец вышел из больницы, чтобы отоспаться за все две недели.

– Майя, но сейчас-то он бывает у Дау?

– Бывает – не то слово. Он отходит от Дау только спать домой.

– Теперь расскажи, как там Гарик?

– Гарик тоже неразговорчив. Оставляю ему продукты на утро и вечер, а днем прихожу готовить ему обед. Тебе что принести? Ты так исхудала и плохо выглядишь.

– Мне ничего не нужно. Сон я совсем потеряла. Если начинаю засыпать со снотворным, в мозг начинает звонить телефон. Когда мне Гращенков сообщил про мозговую операцию,

я очень напряженно всю ночь ждала телефонного звонка, утром потеряла сознание. Так вот теперь только сомкну глаза, начинает звонить отсутствующий телефон. Маечка, как только снимут швы, обещали выписать из больницы.

Через несколько дней в палату вошла очень красивая врач-хирург Елизавета Казими-ровна. Она вся сияла:

– Я к вам с очень радостной вестью!

Рывком вскочила с постели:

– Муж пришел в сознание?

– Нет, нет! Ваша опухоль оказалась доброкачественной!

Без сил опустилась на подушку.

– Как? Вы не рады?

– Спасибо. Просто я совсем забыла про свою опухоль.

Глава 9

Как медленно тянется время в больнице, как угнетают больничные стены, как хочется увидеть Дау, уже не умирающего! Это уже так много!

Когда отсутствующий телефон изводит меня своими пронзительными звонками, я ночью тайком пробираюсь в тот отдаленный конец больничного коридора, где есть окно, из которого видны верхушки деревьев парка нашего института. Так приятно на них смотреть, там наш дом, где спит мой Гарик. Надеюсь, он спит спокойно. Он тоже уже знает, что наш папка будет жить!

У этого окна было радостно встречать новый день, любоваться синевой рассвета, нестись к ярким, счастливым дням прошлого! Когда счастье пропитывало, как аромат!

Время мчится в вечность, во вселенной все мчится, все находится в непрерывном движении. Только бы нежность и любовь оставались постоянными всегда! В этом лучшем из миров так много человеческого горя! Непонятно, за что чтут богов? Ведь животный мир бог сотворил ужасно, особенно человека. Устроил омерзительно его пищеварение, не по своему подобию. Сам-то изволит жрать «амброзию» и пить «нектар». Эта пища богов или полностью усваивается, или вырабатывает ароматный навоз. Об этом в евангелиях не сообщается. Вот растительный мир у него получился куда удачнее. Жить в неведении, не знать трагедий человечества, как деревья, трава, цветы. Прекрасен кусочек японской поэзии:

Луна посеребрила все вокруг.
О, как бы мне хотелось родиться вновь сосною на горе!
В нашем мире не все совершенно,
Так часто прекрасное и истина идут не в ногу.

Дау по своей человечности и по своей работе на науку мог олицетворять истину!

Моя любовь к нему была прекрасна. Это она, моя любовь, подняла меня в небывалую высь, поставила рядом с гением, заставила шагать по кривым дорогам жизни. Шагать с ним в ногу было немислимо. И я стала петлять.

Глава 10

Был такой чудесный бал. Наш курс праздновал окончание университета. Вдруг жгучий пристальный взгляд остановил меня. Передо мной как вкопанный стоял высокий, гибкий, стройный юноша с непокорной, выющейся шевелюрой и с ослепительно блестящими, огненными глазами. Нас кто-то познакомил. Он не отходил от меня весь вечер. Я танцевала только с ним. Он представился: «Дау».

– Дау, вы любите танцевать?

– Нет, я не музыкален, танцевать научился с большим трудом. Уж очень заманчива была цель! Я вообразил, что если буду уметь танцевать, то на любом танцевальном вечере смогу выбрать самую красивую девушку и на глазах у всех буду ее обнимать. Поняв ложность этих обьятий, бросил танцевать. С вами танцую – боюсь уведут. Когда я вас увидел – принял за фею!

Жила я в центре. Старый харьковский университет тоже находился в центре. В те годы центр Харькова был невелик. Шли пешком.

– Теперь вы химик?

– Нет, еще не совсем.

– Но ведь это был ваш выпускной вечер?

– Да, мы закончили учебный цикл университета, а теперь целый год отведен на диплом. Многие уезжают делать диплом на производстве, вот и решили отпраздновать наш выпуск сегодня.

– А вы не уезжаете?

– Нет, я в военно-химическом институте буду делать свой диплом. Дау, у вас странное имя.

– Это не имя. Это моя кличка. Мое имя Лев, но посмотрите на меня. Какой из меня Лев? Я скорее заяц! Мои друзья из фамилии Ландау взяли только окончание «дау». Эта кличка лучше моего имени.

– Так вы Ландау?

– Да. А что?

– Я много слышала о вас.

– О, только всему не верьте. Все так все преувеличивают!

– Я не думала, что вы так молоды.

– Я молод?

– Конечно.

– Ну, от вас мне это приятно слышать, а в молодых ученых мне уже надоело ходить!

– Вас все студенты очень любят.

– Ну, далеко не все.

– Вот мы уже и пришли. Я живу в этом доме.

– Я бывал в этом доме, живу рядом, в Юмовском тупике, в физтехе. Живу в Харькове уже два года, преподаю в университете и в мехмате. Я очень люблю студенческую молодежь, не пропускаю ни одного студенческого вечера. Почему я вас сегодня встретил впервые? Вы нигде не бываете? Вас невозможно не заметить, Кора, вы очень красивы!

– Ну, а теперь преувеличиваете вы!

– Женщины ничего не могут понимать в женской красоте. Ценить красоту женщины могут только мужчины и то далеко не все. Настоящая красота женщин – это очень редкий и очень ценный дар природы, поистине дар божий! Это больше, чем талант!

– Вы так цените красоту женщины?

– Да, и этим горжусь! А что может быть прекраснее красивой женщины? Самое интересное в жизни это, конечно, наука, а самое прекрасное это красота женщины. Кора, вы очень, очень красивы!

– Может быть, для первого знакомства хватит о женской красоте? Уже довольно поздно, а мне завтра рано вставать.

– Почему после выпускного бала надо рано вставать красивой девушке?

– Диплом я начинаю делать через два месяца, на эти два месяца поступила работать сменным химиком в шоколадный цех и завтра в восемь утра я уже должна быть в цеху. Мне очень хочется поскорее попасть к шоколаду!

– А могу я завтра вас увидеть? Вы завтра вечером свободны?

– Да, вечером свободна.

– В котором часу можно зайти и скажите номер вашей квартиры?

– Квартира № 16. Вероятно, часов в семь буду уже дома.

Мой отец умер от тифа в 1918 году. Мне еще не было и восьми лет! Убедившись в папиной смерти, мама потеряла сознание, у нее горлом пошла кровь. Она год пролежала без движения. У Веры начался процесс в легких, а Наде было четыре года. Соседки сказали мне: Кора, собери вещи отца, поедем с нами в деревню, за хлебом.

В те годы ездили без билетов на буферах и на крышах вагонов, чаще товарных. Вот так пришлось стать «кормильцем», оказавшись здоровей и жизнедеятельней всех в семье.

Однажды зимой, в рождественские морозы, заснула на открытой платформе. Чужие добрые люди откопали из-под снега и отогрели. А когда мое детство пересек двадцать первый голодный год, мама мне доверила делить крохи еды, попадавшие в семью. Стараясь накормить всех, про свою порцию нередко забывала! И в один прекрасный день вдруг я совсем ослепла. Тогда на одиннадцатом году жизни узнала, что человек может заболеть куриной слепотой, если нет еды!

Как-то возвращаясь домой с драгоценным узелком продуктов, продукты накрепко привязала к себе, сама примостилась на узкой ступеньке, с наружной стороны вагона. Была совсем еще ранняя весна, перед рассветом холод был нестерпим, руки окоченели, перчаток не было. Я их уже не чувствую, если руки сами разомкнутся, я свалюсь под колеса – продукты погибнут, а их так ждут дома! Еще только один пролет от Минвод, и я буду дома!

Вдруг все стало розовым, еще солнце не взошло, но прорвались его вестники, алые лучи, весь кавказский хребет и Эльбрус со стороны востока лучи встававшего солнца окрасили в сверкающий розовый цвет, а тени на снежных вершинах гор стали голубые. Над пламенеющими снегами гор в алом прозрачном небе вызывающим алмазом поразительной красоты гордо сверкала Венера. Она своим фантастическим сиянием пронизывала весь небосвод, снопы ее сияющих лучей сверкали неправдоподобно. Мне было мало лет, но это запомнилось навсегда! Наблюдая это волшебное сияние утренней звезды, я поняла, что жизнь еще может быть прекрасной, что есть еще нечто великое, сверкающее, вызывающее такой восторг! Затаив дыхание, любовалась красотой Венеры, забыв о холоде, и руки не разжались.

Потом мне часто снилась эта сверкающая звезда! Дети часто летают во сне, много лет я летала на встречи со своей утренней звездой!

Стала студенткой Киевского политехнического института, счастье казалось беспредельным. Первый мой студенческий год в Киеве был самым счастливым годом всей моей жизни! А сам красавец Киев был моей сверкающей утренней звездой.

Земли под ногами не ощущала целый год, ведь я стала студенткой!

Счастливая засыпала, еще счастливей просыпалась, а учеба давалась легко. Потом, на втором курсе, навалилась беда, беда большая, нежданная и страшная. Мое детство было не похоже на детство Сент-Экса! Оно было труднее. Вероятно, лишения в детстве помогли мне пережить мою киевскую трагедию, не рисуясь: я была близка к самоубийству!

Один великовозрастный студент нашего института, ходивший всегда «при нагане», решил на мне жениться. Его травлю, его преследования больше года вынести было невозможно! И я удрала в Харьков, поступив в университет. Через год от киевлян узнала: мой поклонник с наганом в пьяном виде застрелился.

На последнем курсе университета ко мне в Харьков приехал Петя – друг юности, многолетняя пламенная переписка, мы поженились. Через полгода я с трудом стала его выносить.

Внешне красив как молодой бог, но суждения, взгляды, характер! Полная аналогия с моим киевским поклонником, который ходил «при нагане».

С Петей расстались без трагедий, его поразительная мужская красота слишком ценилась женщинами, ну а меня уже подташнивало, когда он сам себе улыбался в зеркало.

Шоколадный цех меня поглотил, я от всего была в восторге, все в белоснежных халатах. На этой старинной кондитерской фабрике (Жоржа Бормана) все оборудование было французским, масса машин, все сверкает изумительной чистотой, аромат в цеху сказочно вкусный и благородный, это запах какао-бобов.

После смены задержалась в комитете комсомола, домой пошла пешком, впечатлений было много, не хотелось лезть в человеческое месиво трамвая. Сегодня знакомилась с производством, а завтра уже надо работать на этом производстве. Хотелось по дороге, не спеша, систематизировать весь технологический процесс этого цеха. Домой попала около семи вечера и тут только вспомнила о Ландау. Вдруг он не опоздает? Моя младшая сестра была дома.

– Надечка, вчера меня провожал домой этот Ландау.

– Как, эта знаменитость?

– Да. Он сегодня хотел зайти, я пошла в ванну. Если он явится, ты его, пожалуйста, займи.

Звонок в дверь раздался ровно в семь часов. Дверь открыла Надя. Мы с ней внешне очень похожи. Спустя год Дау рассказал мне:

«Когда мне ваша Надя открыла дверь, я опешил, хотел просто убежать, стал пятиться к лифту. Но она так приветливо улыбалась, приглашая войти, что я решил войти, но сразу смяться, а сам думаю: все говорят, что я псих. Псих и есть. Как она могла мне вчера так понравиться? Опять влип! Где были мои глаза вчера? И вдруг слышу: «Садитесь! Кора сейчас придет». Я был счастлив познакомиться с Надей – студенткой, тоже химиком, но уже с большой тревогой ожидал твоего появления. Ты появилась просто ослепительной. У меня перехватило дыхание. Надечка благоразумно скрылась».

– Кора, как вам удалось за такой короткий срок так еще похорошеть?

– Дау, не преувеличивайте! Просто я только из ванны, а потом я в восторге от шоколадного цеха, от тех людей, с которыми буду работать. Ведь я вернулась всего 20 минут назад. Так было интересно, даже не заметила, что весь день провела на фабрике!

Вначале я не придавала значения встречам с Дау, как и его восторженным комплиментам. Он был мне непонятен, ни на кого ни в чем не похож. Все в нем было ново. Поражало его душевное изящество. Я стала ощущать какую-то, только ему свойственную, трепетную индивидуальность. Такого, как Дау, я встретила впервые. Он ошеломлял непосредственной ясностью ребенка и зрелостью своего мышления, стремящегося разгадать тайны природы путем сложнейших математических доводов, свойственных только ему одному, настоящему первооткрывателю в науке. Последнее я поняла много лет спустя.

Мое восприятие жизни стало меняться. Прозрачная голубизна неба поражала, алые закаты слишком восхищали, как будто окружающий меня мир заполнился чем-то необычным, значительным. Я была молода, беспечна, все давалось легко.

Вторая смена на фабрике заканчивалась в 12 часов ночи. Дау всегда встречал меня у фабричной проходной с розами или гвоздиками. Возвращения со второй смены почти через

весь Харьков пешком превратились для меня в праздничные счастливые прогулки. Он был прост. Никогда – ни в те годы, ни много лет спустя – не упоминал о своей значимости в науке. Я забывала, что он знаменитый профессор, физик, который в 20 лет уже пытался объяснить сущность квантовой механики самому великому Эйнштейну.

– Кора, вы все еще так же очарованы своим шоколадным цехом?

– Дау, мое очарование цехом и шоколадом переходит в глубокую постоянную любовь. Только что выработанный шоколад, еще не потерявший своего непревзойденного аромата, так вкусен! В продаже его не бывает, его срок хранения всего 10 дней при температуре не выше 10 градусов по Цельсию.

– Я тоже очень люблю шоколад, особенно молочный с орехами. Когда я жил в Копенгагене, там я очень много занимался, иногда забывал про обед и ужин. Выйду часа в три ночи – все закрыто. Тогда подойду к шоколадному автомату, опущу монетку, и вкусный ужин обеспечен.

– А когда вы были в Лондоне, тоже ужинали шоколадом?

– Нет, что вы! В Копенгагене я жил на средства международной рокфеллеровской стипендии, а в Лондоне я был в командировке. Я не имел права тратить рабоче-крестьянские деньги нашего государства на шоколад. В Лондоне я даже не разрешал себе ходить в кино. Там я только купил вечное перо и к нему один флакон чернил. По пути домой в вагоне стал заниматься, открыл чернила, а пробка затерялась. Когда приехал в Ленинград, пришлось флакон чернил поставить в карман брюк без пробки, поэтому я был вынужден слишком медленно выходить из вагона и идти навстречу к маме. Она перепугалась, решив, что я болен.

– А на что-нибудь большее, чем чернила, у вас не хватило денег?

– Нет, деньги у меня остались, и немало. Я их сдал вместе с отчетом о поездке.

Этот рассказ Дау меня озадачил, потому что совсем незадолго до этого на городском партийно-комсомольском активе Харькова критиковали тех партийных работников, которые из-за границы привезли разные дамские туалеты и, чтобы обмануть таможенный контроль, надели их на себя, а сверху – свои постоянные мужские костюмы. На таможенном пункте верхние мужские костюмы с них сняли. Нам показали кинолентку этого маскарада. Все смеялись до слез. Рассказ Дау меня поразил. Он только подчеркивал, что он растяпа, потерял пробку и смешно выглядел на ленинградском вокзале. Он просто не понимал, как можно быть иным, что можно на рабоче-крестьянские деньги не только ходить в кино, но и покупать женам наряды.

– Дау, это правда, что англичане предлагали вам навсегда остаться работать в Лондоне?

– Не только англичане, меня и американцы очень старались соблазнить роскошными условиями жизни. К роскоши я совершенно равнодушен. Я им всем ответил так: «Работать на акул капитала? Никогда! Я вернусь в свою свободную страну, у меня есть мечта сделать в нашей стране образование лучшим в мире. Во всяком случае я этому буду способствовать!» Кора, я об этом очень много думаю. Сейчас здесь, в Харькове, я уже стал создавать свою школу физиков. На Западе ученому работать нелегко. Его труд оплачивают в основном попечители. В этом есть некая унижительность. Проповедуют мораль со своих позиций, им свойственно ханжество, чтут религию. А как можно совместить религию и науку во всем мире?

– Дау, вы беспартийный?

– Да.

– И не комсомолец?

– Нет и не был. Я в 14 лет стал студентом, занимался на двух факультетах: физическом и химическом. Мир устроен так интересно. Он таит столько загадок, и человеку все это дано познать, а без знаний, без упорного труда познать мир невозможно.

– А почему вы не вступаете в партию?

– Меня не любят. Меня не примут. Я говорю только правду, я не из племени героев, у меня множество недостатков. С детства всегда восхищался народовольцами, декабристами.

Он стал читать стихи Рылеева, потом Пушкина о декабристах, с восхищением говорил о Перовской, о ее большой любви, о ее романе с Желябовым, как этот красавец-революционер был совсем случайно арестован. Когда его вешали, Перовская сидела в той же тюрьме и после родов умерла. Все сопровождалось стихами, и какими! Стихи лились без конца.

– Вот какими были ваши революционеры! Какой из меня коммунист? Я просто никчемный трусливый заяц!

– Дау, кто ваш любимый поэт?

– Лермонтов. Я очень люблю стихи. У нас на курсе в университете была своя поэтесса. Она вышла замуж за иностранца, уехала за границу и погубила свой талант.

– Почему погубила?

– Настоящий поэт может писать стихи только на своем родном языке, находясь на своей родине.

– А ее стихи помните?

– Да, конечно. Вот, к примеру, когда наш профессор Иоффе женился на сокурснице своей дочери:

Иногда испанский замок
Вдруг спускается с небес.
В Иоффе вновь вселился амок
Или проще – русский бес.
Натянув нос Агнессе
и послав развод жене,
В комфортабельном экспрессе
С Асей двинулись в турне.
Как приятно лет на склоне,
с капиталом и в чинах,
Развлекаться в Барселоне,
забывать о седирах.

Или вот, когда мы студентами совершали турне по побережью Черного моря:

На пляже пламенной Тавриды,
Лишившись средств, ума и сил,
Раздетый Боб у голой Иды
Руки и сердца попросил.

К чему условности салона?
Закатом вспыхнула вода.
И, надевая панталоны,
Она ему шепнула: «Да».

Глава 11

Начав работать над дипломом, я шоколадный цех не оставила, полюбив и цех и людей. Меня на фабрике тоже оценили. С утра до двух часов дня работала над дипломом. С четырех часов дня до двенадцати ночи на второй смене или с двенадцати до восьми на третьей смене. И еще встречалась с Дау. Он всегда меня провожал на ночную смену, а со второй смены всегда встречал. Гуляя через весь Харьков, мы много говорили, больше говорил он. С восторгом слушая его, я начинала понимать убогость своего университетского образования. Историю партии я преподавала в кружках и даже считалась неплохим лектором. А Дау, рассуждая о любом политическом вопросе, цитировал Маркса, Энгельса, Ленина.

– Корочка, Маркс по этому поводу сказал... (Шли длинные цитаты.) Ведь это прекрасно! Он знал историю всего мира и каждого народа в отдельности. Он знал все, даже какие-то персидские иероглифы.

О коммунарах Французской революции Дау говорил с таким восторгом, будто был им сам.

– Дау, вы должны обязательно вступить в партию. Такие люди, как вы, ей очень нужны.

– Кора, марксизм заинтересовал меня рано. В 11 лет я изучил «Капитал» и, конечно, стал марксистом, а вот в партию меня не примут. Вернувшись из-за границы, я стал работать в Физтехе. Этот институт в Харькове меня привлек потому, что здесь работает выдающийся экспериментатор Лев Шубников. Теоретики должны работать с экспериментаторами. Я очень много работаю, увлеченно, забываю пообедать. Забываю и про собрания в институте. Вот последнее мне не прощают! Поэтому меня в партию не примут. Но на вчерашнее собрание не опоздал, к сожалению, и помешал всем проголосовать единогласно при обсуждении нового закона о запрещении аборт. Я выступил против этого закона: «Двое людей должны очень хотеть ребенка и только тогда его заводить. В свободной стране свободная женщина должна свободно располагать собственным телом. Она сама должна решать этот интимный важный вопрос. Навязывать женщине этот преступный закон, заставляя ее насильно рожать! Как все это называется?» Все женщины меня поддержали. Голосование «за» провалилось. Секретарь парткома, спасая положение, стал сам себе противоречить. Он сказал: «Родить женщине не так трудно. А каково отцу целую ораву одеть и прокормить? Нет, мы должны голосовать за этот закон!»

Этот закон при сталинизме вошел в жизнь.

Во времена моего студенчества в Харькове от приятельницы я услышала о Евгении Лифшице. Он котировался как выгодный жених. Студентки, мечтавшие о замужестве, говорили о нем: «Он – сын знаменитого профессора-медика. У них такой шикарный особняк на Сумской. Они так богаты! У его матери такие бриллианты! В их особняке каждая вещь – антикварная ценность!» А моя университетская подруга по курсу, харьковчанка, мне рассказала: «Наш дом примыкает к особняку профессора Лифшица на Сумской. Помню в детстве, когда братьев Лифшиц гувернеры выводили гулять, их заграничная одежда была слишком броска для наших рабочих ребят. Мы гурьбой бежали за ними и кричали: “Обезьянок вывели гулять!”».

Сейчас не помню, по какому поводу я попала в лифшицкий особняк вместе с Дау. Когда вышли, Дау спросил:

– Как тебе понравился Женька?

– Почему он такой лысый? – спросила я.

– От природы.

– Очень плюгавый и ростом не вышел, острый нос, бегающие глазки, рот без губ, в улыбке что-то от лягушки.

– Как ты его раздраконила! А ведь он пользуется большим успехом у девиц! Во всяком случае больше, чем я!

– Этому я не могу поверить. Вот его брат гораздо симпатичнее. Только почему они называют его бабьим именем Леля?

– Его зовут Илья. Илья талантливее Женьки. Женька очень умен. Он практически, жизненно умен. Я по всем бытовым вопросам консультируюсь у Женьки.

– Даунька, милый, неужели ты мог консультироваться у этой гниды, как нужно меня поцеловать?

– Коруша, в делах любви он гораздо опытнее меня. Ты явно недооцениваешь Женьку. Он так трудился, так старался, когда я по Харькову разыскивал красивых девушек. Он меня со столькими перезнакомил, я даже счет потерял. Но у нас с ним разные вкусы. Ни одна его красавица мне не понравилась. Я так горд, что тебя встретил сам, без помощи Женьки.

Глава 12

Да, в те далекие годы я искренне, настойчиво пыталась уговорить Дау стать коммунистом. Не ведая того, что в трагический момент медики, спасавшие жизнь Ландау, посмотрят на этот факт со своей медицинской точки зрения, приведшей их к неправильному диагнозу. И это не парадокс – так было в жизни.

А тогда Даунька мне серьезно отвечал:

– Я только умею размышлять о науке, больше я ни на что не способен. В детстве мне отец настойчиво внушал, что из меня ничего хорошего выйти не может. Я так боялся, а вдруг он окажется прав! Этим он мне изрядно портил детство. Я действительно очень одинок. Подрастком был близок к самоубийству.

– Дау, а кто был ваш отец?

– Он – зануда. Он и сейчас есть!

– Как зануда?

– Ну, просто скучнейший зануда, он наводит тоску!

– А мама?

– Маму я очень люблю.

– Дау, а ужасное детство – это что? Пить молоко заставляли?

– Не только молоко. Еще хотели меня насильно научить играть на рояле!

Все это, слово в слово, было сказано очень серьезно человеком, которого в январе 1930 года у Паули в Цюрихе заинтересовало квантовое движение электронов в постоянном магнитном поле. Решил он эту задачу весной в Кембридже у Резерфорда. Так в истории физики наряду с парамагнетизмом Паули появился диамагнетизм Ландау.

Эта работа поставила Ландау в один ряд с известнейшими физиками мира. Ему было тогда 22 года.

Меня удивляло, что Дау настойчиво вклинивался в мою жизнь. Каждый свой свободный час я была только с ним. На свидания он приносил много нежной робости, трогательной застенчивости и охапки душистых цветов. Розы, розы... А как была душиста гвоздика тех счастливых лет! В моей комнате после знакомства с Дау все было пропитано этим ароматом. Он кружил голову, предвещал что-то волнующее, он пьянил. Впервые в жизни я была так засыпана цветами, и как ценны были эти цветы: их мне дарил Дау!

Я уже его полюбила, но не сразу это поняла. В один из выходных дней мы пошли в кино. Дау отправился брать билеты. Я дождалась его в стороне возле пожилой интеллигентной пары. Он, указывая на Дау своей спутнице, сказал: «Посмотри на этого высокого юношу. У него огненные глаза. У простого смертного такого взгляда быть не может». Я вся затрепетала!

После защиты диплома, отвергнув аспирантуру в военно-химическом институте, я осталась работать на фабрике в должности главного технолога. Как-то вечером Дау пришел ко мне домой. Шторы были закрыты. Я не знала, что пошел дождь. Открыв дверь и увидев его блестящего, мокрого, я воскликнула:

– Дау, это такой сильный дождь?

– Нет, дождя нет, погода прекрасная! – сказал он, снимая шляпу, с ее округлых полей струилась вода. С удивлением посмотрев на лужу в передней, он смущенно сказал: «Да, вероятно, идет дождь». С роз струйками стекала вода, омытые ливнем, они были прекрасны.

– Дау, обычно розы дарят штуками.

– А разве букеты вам не нравятся?

– Очень нравятся, но это даже не букет, это целая охапка роз. Каждое свидание вам дорого обходится!

– Вы очень выгодная девушка: вас не надо кормить шоколадом.

– А вы очень мокрый. Платок вам не мешает. Я сейчас принесу полотенце. А теперь садитесь сюда, на тахту.

С полотенцем в руках я повернула его голову к себе, его глаза ослепили меня, наши губы встретились. Закружилась голова, на какие-то доли секунды я оторвалась от земли, ничего не помню, открываю глаза – я на тахте. Дау стоит передо мной, а на лице – испуг и изумление. Он быстро произнес: «Кора, я люблю тебя!» – и исчез. Вышла в переднюю – его нет. Повернув ключ в своей комнате, подошла к зеркалу. Из зеркала сверкнули его пламенные глаза и исчезли. Стала рассматривать свое отражение. Он говорит, что я красива и даже очень. Раньше все называли меня хорошенькой. Вид слишком легкомысленный, глаза сияли счастьем, слишком яркий румянец, но рот действительно красив, зубы просто ослепительные. И потом в меня очень много парней влюблялись сходу.

Но Дау парнем не назовешь. Он не просто юноша. В нем затаилась какая-то светлая чело-вечность, вероятно, потому что он сохранил непосредственность и чистоту ребенка. С детства его потянуло к науке. Поиску научных истин в физике он отдал всего себя. От природы он был одарен математическим мышлением большой силы. Эта сила в шесть лет вступила в противоречие с бессмысленным стучанием по клавишам рояля. Куда как интереснее спрятаться в сарае и углем на стенах решать задачи. Но отец преследовал, отцовской властью стремился усадить за рояль и заставить чинно гулять по дорожкам сада, не пачкаться углем в сарае. Так возникло у сына чувство отчуждения по отношению к отцу, сохранившееся в течение всей жизни. Бедный родитель стремился воспитать сына культурно, не ведая, что дал жизнь гению.

«Упрямства дух нам всем подгадил, в свою родню неукротим, с Петром мой пращур не поладил и был за то повешен им!» Упрямство и любопытство почти всегда сопутствуют гениям. В 10 лет Левушка (тогда он еще не был Дау) твердо решил, что причесываться и стричься – занятие отнюдь не для мужчины. Отец – горный инженер высокого класса – хорошо знал, что твердые породы сверлят еще более твердыми орудиями. Тогда между отцом и сыном встала мать, медик-физиолог, впоследствии профессор со своими трудами и именем в своей области науки. Женщина не только талантливая, но и умная. Она сказала мужу: «Давид, Левушка – добрый и умный мальчик, вовсе не сумасшедший психопат. Насилие это не метод воспитания. Он только очень трудный ребенок, его воспитание я беру на себя, а ты займись Сонечкой». В семье главного инженера нефтяных приисков города Баку Сонечка стала папиной дочкой, а Левушка всецело принадлежал матери. Все это я узнала, когда познакомилась с Любовью Вениаминовной Ландау, став женой Дау.

А в тот счастливый вечер моей молодости, когда Дау впервые поцеловал меня в губы, я безотчетно приняла его поцелуй мгновенной потерей сознания. Его клетки мозга хотели математическим путем вывести формулу любви к женщине! А это еще никому не удалось. Вот он и прибегнул к спасительному бегству.

Я тоже была озадачена тем, что он поцеловал меня только один раз. Сон не сразу пришел ко мне. Перебирая важнейшие события своей личной жизни, я зашла в тупик. Жизнь таит столько непонятного. Но и вторая любовь может стать первой, настоящей, неповторимой на всю жизнь.

Жизнь меня не обошла. Она подарила мне счастье полюбить Дау. Молодость всегда беспечна, в ту счастливейшую из ночей мне казалось, что я стою на пороге огромного настоящего счастья. В древние времена люди старались скрыть свое счастье от богов. Боги завистливы и склонны к злодеяниям. Они отомстили мне. За большую любовь, за беспокойное счастье, за встречу с Дау.

Дау восхищал тот факт, что мы живем почти рядом.

– Корочка, я вчера встречал восход солнца под твоими окнами. Много занимался, забыл пойти поужинать, у меня дома никаких продуктов не оказалось. Понадеялся на какой-нибудь поздний ресторанчик, но все оказалось закрыто. Ночь прошла, вставало солнце, и я помчался под твоё окно, послал воздушный поцелуй. Увы, серенады я петь не умею, а ты в окно не выглянула, бесчувственная.

– Дау, разве ты питаешься в ресторанах?

– Нет, я на полном пансионе у Олечки Шубниковой. Есть такой замечательный физик-экспериментатор Лев Шубников, а Олечка его жена. Живем мы рядом, вчера я просто заработался и забыл про еду. Когда ты при прошлой нашей встрече категорически отказалась зайти посмотреть мою квартиру, за ужином у Шубниковых я был очень расстроен. Вдруг Олечка говорит: «Все это из-за несчастной корочки!» Я перепугался: откуда она узнала? Я так старался скрыть тебя от всех своих знакомых: «Почему Корочка несчастная?» – спросил я испуганно. «Дау, что с тобой? Ты стал неузнаваем. Загляни под стол, посмотри, что выделяет наша собака из-за хлебной корочки».

– Почему ты скрываешь меня от своих знакомых?

– Понимаешь, с первого взгляда, с первой нашей встречи ты так много для меня значишь. Начнут подшучивать, дразнить, а мне не до шуток. Я так в тебя влюблен.

– А раньше влюблялся?

– Конечно, и не один раз! Первый раз я влюбился в беленькую Верочку в школе танцев. Тогда мне было шесть лет. Став студентом, я ее разыскал. Красивой она не была. Потом еще влюблялся в красивых девушек, но все по-настоящему красивые девушки нарасхват. Они все замужем. Какое счастье, что я тебя встретил, когда ты уже разошлась со своим мужем.

– Я только собиралась это сказать тебе. Как ты узнал? Общих знакомых у нас ведь нет.

– О, я так старался разузнать о тебе все. Только очень боюсь: вдруг ты захочешь к нему вернуться. Поехать за тобой в Ростов я не могу, там нет физиков, там я не смогу работать! Мне сказали, что этот Петя красив, как молодой бог.

– Ты даже знаешь, что он в Ростове. Нет, к нему я не вернусь. Скажи, Дау, какие человеческие качества ты ценишь превыше всего?

– Доброта превыше всего. Конечно, еще и ум.

– А худшие?

– Хуже дурака придумать трудно, но жадность и жестокость – самые омерзительные человеческие качества. Мой учитель Нильс Бор очень добрый человек. Доброта очень украшает человека! В Копенгагене у Бора было очень интересно и очень весело. Бор любил шутку и всегда шел на нее. Как-то после возвращения в Ленинград приближалось первое апреля. Сотрудник нашего института опубликовал свой научный труд. Читаю – абсурд. Пишу Бору в Копенгаген, чтобы он дал телеграмму в наш институт на имя данного сотрудника с расчетом, чтобы телеграмма прибыла в институт первого апреля, с содержанием: Нобелевский комитет заинтересовался научным открытием такого-то. Срочно просят прислать четыре экземпляра работы, фото и т.д. и т.п. Несчастный «великий ученый» с утра бегал фотографироваться, всем совал читать международную телеграмму Бора. Пьяный от счастья, с самодовольной улыбкой он запечатывал огромный конверт, когда подошедший к нему Ландау объявил своей жертве о первоапрельской шутке.

– Дау, это очень злая шутка!

– Да, но такие работы очень дорого обходятся нашему государству! Научные работники всегда должны помнить, что они сидят на шее у трудящихся. Наука – вещь дорогостоящая, ею должны заниматься только люди, приносящие пользу науке. Но, к сожалению, многие просто используют науку. Сколько липовых работ! И их авторы преуспевают.

– Дау, почему ты уехал из Ленинграда?

– Корочка, Харьков – лучший из городов! Здесь я нашел тебя. Ты сама не понимаешь, какой переворот сотворила в моей жизни!

– Ты удрал от жены?

– Я? Ха-ха! – он смеялся. – Так ты решила, что я женат?

– Не решила, просто подумала.

– Разве я выгляжу таким дураком? Жениться можно по глупости или из каких-либо мелко-бытовых или материальных соображений, на которые я совершенно не способен.

– А разве по любви не женятся?

– Только дураки. Ты выходила замуж за Петю по любви?

– Конечно.

– Сколько вы вместе прожили?

– Одну зиму. Дау, он оказался таким самовлюбленным дураком.

– Ты сама убедилась, что по любви может жениться только дурак. Как можно погубить такое великое чувство? В лучшем случае в браке страсть, влюбленность переходит в так называемую «любовь», а вернее в привычку. Когда собака привыкает к своему хозяину, все говорит, что собака любит своего хозяина. Вот такая собачья любовь-привычка возникает между супругами. Я так в тебя влюблен, ты моя мечта! Я счастлив, что нашел тебя, счастлив, что могу видеть и даже целовать! Это блаженство! Корочка, разве хорошую вещь браком назовут? Брак – это могила для страсти влюбленного. Моя сестра замужем. Как они грызутся! Я не способен повторять ошибки ближних! Из таких священных чувств, из великой любви – как много лет я мечтал вот так безгранично влюбиться! – и потом взять и открыть лавочку мелкой торговли, кооперативчик! Неужели такая девушка, как ты, хочет так мелко разменяться? Сама с восторгом слушала о великой, самоотверженной любви Софьи Перовской и Желябова. Ты меня просто не любишь. Вероятно, меня не за что любить по-настоящему.

– Главное – тебя не могут повесить, тебе ничто не угрожает, у тебя удачно сложилась жизнь, воюешь только с формулами. Разве ты не знаешь, что настоящая, великая любовь приходит, не учитывая, есть за что любить или нет?

Все это я быстро выпалила, не думая, что говорю. Обида клокотала во мне. Я убежала домой, даже не оглянувшись. Я трепетно ждала, что после многочисленных, пылких объяснений в любви он скажет, наконец, простые, естественные слова: «Будь моей женой». Если он меня любит, если я его люблю, если мы молоды и свободны, что может помешать? Но оказалось, что женитьба есть лавочка мелкой торговли, или «кооперативчик», который он облил таким презрением, несовместимый с его понятием великой любви. В ту ночь я много плакала, рано утром ушла на работу, твердо решив не видеть его.

На телефоне лежала подушка, но он упрямо приходил ко мне домой, очень грустный. Сиянье глаз, улыбка – все исчезло.

– Итак, ты решила заняться «кооперативным шантажом»?

– Я?! (Чуть не задохнулась от обиды.)

– Да, ты! А чем ты объяснишь, что не подходишь к телефону?

Говорили, объяснялись и не понимали друг друга, целовались, клялись друг другу в любви. Спорили, каждый из нас стремился доказать, что он любит сильнее и по-настоящему.

– Нет, Дау, ты просто хочешь, чтобы я была твоей любовницей.

– Что ты! Я не просто хочу, я только и мечтаю об этом! Это заветная мечта моей жизни! Если это не осуществится, тогда я жить не стану. Ты совсем, совсем не хочешь понять, что ты для меня значишь!

«Свободная любовь», «любовница» – эти слова наводили ужас, пугали.

– Если ты меня любишь, почему боишься стать моей любовницей? Почему дальше поцелуев ты меня не пускаешь?

– Дау, да это просто стыдно!

– Стыдно? Прекраснейшее слово – «любовница». Он овеяно поэзией, корень этого слова «любовь». Не чета браку. Брак есть печать на плохих вещах!

Он цитировал классиков, читал стихи, и еще какие! Как меня тянуло к нему! Но переступить черту недозволенного мне было невозможно. Вся эта свободная любовь, даже великая, вызывала большие сомнения. Подошло время его отпуска. Он уехал в Ленинград. Писал он много. За два месяца я получила сорок писем. Иногда я получала по два письма в день.

Сколько счастья приносили его письма! Сначала я очень долго изучала конверт. Письма были длинные, но для меня они таили много глубочайшего смысла. Уезжая, он сказал: «Письма писать не умею и не люблю». А сам просто засыпал письмами.

6.VII.35

Дорогая моя девочка!

Спасибо за твое милое письмо. Я эти двенадцать дней только спал и читал книги. Большие ничего! Мне даже было лень выходить из дому. Никогда не думал, что я устал до такой степени. Только теперь я несколько отошел. По этому случаю завтра уеду куда-нибудь на юг.

Все время вспоминаю о тебе. Любимая моя девочка, ты сама не понимаешь, как много ты для меня значишь.

Целую 10¹ раз.

Дау.

Когда он вернулся, то я, конечно, пошла посмотреть его квартиру. Щелкнул английский замок в двери, отрезав внешний мир. Мы остались только вдвоем. Вспыхнул свет. «Дау, потуши, потуши свет». – «Нет, ни за что, я хочу видеть тебя всю».

Еще мгновение, и он уже весь гол! Я окаменела, старалась смотреть только в его глаза. В них не было и тени смущения и никакого ложного стыда. Он, видно, считал, что ничего постыдного он совершить не может, а сам держался как голый король, как будто на нем безукоризненный костюм. Это было так сверхъестественно и удивительно! Он принялся раздевать меня. Это ему далось не так легко. Женщин ему явно раздевать не приходилось. Целовались самозабвенно, долго и... все. Больше ничего не получилось.

– Корочка, ты сможешь когда-нибудь простить меня за эту ночь?

– Даунька, не говори так. Так даже лучше!

– Завтра ты придешь?

– Да, приду.

– Вот, видишь, Коруша, ты боялась, что я изнасилую тебя, а, оказалось, я сам ни на что не способен. Теперь я вынужден тебе признаться: ты ведь первая девушка, которую я поцеловал по-настоящему в губы. Помнишь, ты тогда на какое-то мгновение потеряла сознание? Как я растерялся, испугался и, как самый настоящий трусливый заяц, удрал. Потом теоретически, потихонечку расспросил и разузнал: если у девушки от поцелуя мужчины так кружится голова – это и есть жемчужина любви. Как я боялся, что ты увидишь во мне зеленого юнца и прогонишь. Позор! Первый раз поцеловать девушку в 26 лет, в 27 лет обнаружить еще более серьезный изъян в себе! Если завтра приговор врача будет безнадежен, жить я не буду! Это не слова!

– Даунька, милый, не смей так говорить! Я буду приходить к тебе, когда ты захочешь! Я люблю тебя, пойми, люблю по-настоящему, несмотря ни на что!

Назавтра он встретил меня жизнерадостный и сияющий. Потом он рассказал:

– Корочка, только дай мне слово, что это будет нашей тайной. Это должно остаться тайной, пока я жив! О ней знаю я, ты и еще тот врач, который лишил меня девственности хирургическим путем. Легкая операция в виде укола, и, как ты убедилась, все мои страхи позади! Оказывается, среди мужчин встречаются такие экземпляры, которых врачи лишают девственности.

– Даунька, с первой нашей встречи ты бесконечно меня удивляешь, поражаешь! Ведь ты учился в Ленинграде, бывал в Москве, объездил уже всю Европу, читаешь лекции студентам, ты как-то необычно, изысканно красив. Твоя манера себя поставить, жить, разговаривать, читать стихи должна покорять всех! В наш век, в житейском бурном океане, как мог ты уцелеть? Ты даже не умеешь врать!

– Врать? А зачем? Проще говорить правду, тогда никогда не собьешься. Многие пытались меня женить, но у них не хватало красоты. Я могу облизываться только на красивую девушку. Когда я был в Германии, как я облизывался на Ани Ондру! С какой жадностью я смотрел на нее. Она была так красива и так кокетлива. Как она кружила головы мужчинам, особенно своим кокетством. Корочка, у тебя один изъян – ты абсолютно не умеешь кокетничать. Теоретически я был подготовлен к тому, как надо осваивать женщин. Все утверждали, что красивые девушки очень кокетливы, а если им нравится субъект, они сами предоставят возможность поцеловаться, но ты сокрушала все теории. Я очень страдал. Я каждую нашу встречу ждал, когда ты начнешь со мной кокетничать, и только много месяцев спустя понял, что ты лишена кокетства.

– А Ани Ондра с тобой очень кокетничала?

– Что ты! Она немецкая кинозвезда. Я ее в жизни не видел.

Наступила осень. Дау заболел. У него была очень высокая температура. Звонил ежедневно. На пятый день болезни попросил: «Корочка, найди сегодня вечером, если сможешь. Я, вероятно, заразен, целоваться нельзя, но я тебя не видел целую вечность! Только бы хоть издали на тебя посмотреть».

Когда я поднялась на второй этаж его дома, у его двери на площадке сидел по-турецки на цементе лестничной клетки очень симпатичный мальчик. Он сосредоточенно решал задачи. Когда я через него потянулась к звонку, мальчик растерянно вскочил, очень смутился, стал просить: «Умоляю, не говорите, пожалуйста, учителю, что я сижу у его двери, он рассердится! Но он болен, а вдруг ему что-нибудь понадобится. Он – один!»

Я пообещала хранить тайну. Это был Померанчук – один из первых его харьковских учеников, ставший впоследствии самым любимым и талантливейшим учеником Ландау. Своим поступком он покорило мое сердце. Образ мальчика Померанчука остался в моей памяти. Когда он назвал Дау учителем, в это слово было вложено столько преданности, обожания, преклонения и восхищения. Так вот он какой, мой зайчик! Им так восхищаются его студенты. Померанчук внес чувство гордости в мою любовь к Дау, которая потом совсем вытеснила ложный стыд, вначале сковывавший меня. Грешницей себя уже не чувствовала и даже испытывала жалость к остальному миру!

Однажды осенью в 1936 году он сказал мне:

– А ты знаешь, возможно, нам с тобой придется пожениться. И не просто жить вместе, как ты хотела, а даже подвергнуться регистрации брака.

– Я испугалась: почему вдруг?!

– Меня очень приглашают в Сорбонну читать лекции. С тобой расстаться на длительный срок я не могу. И еще очень хочется побывать с тобой в Париже. Теперь ты хоть ценишь, как тебя любят?

– А я кокетничать не умею.

– Для освоенной девушки это не важно. Кокетство женщины очень важно при освоении новой девушки, Коруша. Но ты правильно одеваешься. Я давно разработал четыре принципа, как должна одеваться женщина: первое – одежда должна быть яркой; второе – одежда должна быть прозрачной; третье – одежда должна быть открытой; четвертое – одежда должна быть обтекаемой. Ты носишь очень правильную длину платья. У тебя едва закрыто колено. Сразу видно – стройные ноги.

– Ты любишь красивые женские ноги?

– Нет, я не ногист. И не рукист. Некоторые обожают женские руки. Я чистый красивист. Я обожаю и преклоняюсь перед женской красотой в целом. Женщина должна быть красивая вся. Есть еще мужчины, которые обожают женские фигуры. Эти мужчины называются фигуристами. Есть еще такие странные мужчины, которые обожают женские души. Еще Леонардо да Винчи установил, что для души просто нет места в теле человека, а есть еще эклектики – это мужчины, которым к красоте женщины нужна особая женская душа. Я думаю, что эти душисты и эклектики просто развозят замурение, оправдывая свою лень. Красивую девушку очень трудно найти. А осваивать еще труднее. Вот ты, Коруша, оказалась очень трудной, если бы не ценные теоретические консультации друзей, я бы не справился!

– Неужели ты консультировался?

– А как же, перед каждым свиданием. Ты как-то легко обходила все теоретические утверждения, но как я счастлив теперь. Даже когда меня не пустят в Париж читать лекции, я не расстроюсь, ведь у меня есть ты!

Чтобы избежать огласки нашего романа, я приходила к Дау сама. На крыльях пролетала парк химико-технологического института и, затаив дыхание, вступала на асфальтовую дорожку Физтеха, утопавшую в цветах. Он ждал меня у приоткрытой двери. Высокий, стройный, тонкий и очень нежный. Он сейчас же начинал поспешно раздевать меня. Я умоляла:

– Даунька, оставь хоть что-нибудь на мне!

– Нет, нет, ни за что! Ты так красива вся! Корочка, есть в Эрмитаже картина «Венера выходит из морской пены». Я ходил любоваться ею. А ты гораздо красивее ее. Если бы я мог, я бы издал закон: мужчина, оставляющий на своей возлюбленной какой-нибудь предмет туалета, подлежит расстрелу.

Я уходила на рассвете. Как-то мы проспали. Я вышла поздно. Выходя из низкой решетчатой калитки Физтеха, в парке наткнулась на своего сокурсника по университету. Он, видно, заметил меня еще на территории Физтеха и поджидал.

– Кора, здравствуй.

– Здравствуй, Володя.

– Тебя нигде не видно. Теперь я знаю, почему! Это он увел тебя с нашего вечера, и ты все время только с ним?

– Да, – ответила я, гордо подняв голову.

– Кора, только в следующий раз не надевай платье наизнанку.

Я посмотрела на себя – все швы наружу. Вспыхнула, но потом мы оба расхохотались веселым молодым смехом. Он сказал:

– Ты не смущайся. Все всё знают давно. Кора, имей в виду, тебе многие завидуют. Я лично завидую только ему.

Как быстро отлетели в вечность самые мои счастливые годы в Харькове, годы жгучего счастья и большой любви. Наступил 1937 год. Этот год многих зацепил. Ночной звонок телефона. Дау схватил трубку. Побледнел. Медленно опустился на постель: «Так, да, я дома». Ему сообщили сотрудники, что «черный ворон» увез Шубникова и Резенкевича.

– Дау, идем ко мне, пока поживешь у меня.

Дома у меня решили: днем я достаю ему билет на ночной поезд в Москву. В Москве начал работать институт Капицы. Петр Леонидович приглашал Дау работать у него.

Следующей ночью я одна провожала Дау в Москву. Расставались мы очень растерянные, очень расстроенные, очень подавленные. В нашу жизнь вторглось то, чего не должно было быть. Расставались мы не по своей воле. Долго я смотрела вслед поезду, увозившему Дау. Воздух стал синеть. А там, куда ушел поезд, появилась розовая полоса рассвета. Нет, этот рассвет уже не мой! Грустно было возвращаться домой теперь, такой обездоленной, такой одинокой!

Глава 13

Наш роман продолжался в письмах.

28.11.37

Девуленька, моя любимая, только вчера написал тебе и сейчас пишу опять. Вот уж, вероятно, мои скучные письма надоедят тебе. Напишу точно о себе, о своем здоровье и настроении.

Грустно как-то без тебя. Нельзя ни поцеловать твои ясные глазки, ни обнять тебя.

С кем-то ты флиртуешь? И главное, и так, и так плохо. Если мощно флиртуешь – то завидно, а если нет – то еще хуже, – скучаешь.

Бедная моя замученная девочка. Чувствую уже, что не уломаю тебя на расстоянии поехать отдохнуть. И сейчас ты, вероятно, такая усталая, грустная, а мне хочется, чтобы тебе было весело и хорошо на душе.

Как я люблю тебя, любимая моя. А ты еще, как на зло, не чувствуешь этого.

Числа 15-го Сессия Академии, на которой я должен докладывать.

Ну, всего хорошего, дорогая.

Дау.

* * *

Девочка, моя любимая, из-за болезни несколько дней жил у Рума и не был в Институте, так что сразу получил два твоих письма. Как тебе не стыдно писать, что меня не радуют твои письма. Зачем ты меня дразнишь? А я так люблю читать твои письма и много, много раз их перечитывать. И чем длиннее, тем лучше. Мне так приятно читать каждое твое слово. Тогда мне верится, что ты все-таки любишь меня, а пишешь гадости только по злему характеру.

Очень беспокоюсь о твоём здоровье. Как следует не вылечили твое воспаление легких?! А то ведь ты из-за меня заболела – пустил тебя в холодный аэроплан.

Я все никак не могу выздороветь. Грипп прошел, фурункулы тоже, но желудочное отравление (?) не кончается. На днях была температура 39,8 и было ужасно гнусно. Сейчас 37 и постепенно проходит. И когда ты пишешь злые письма, мне начинает казаться, что ты меня уже совсем скоро разлюбишь и полюбишь какого-нибудь здорового, сильного, хорошенького. Я сейчас все время думаю о тебе, о том, какая ты замечательная. Как хорошо было лежать вместе с тобой, крепко, крепко прижавшись друг к другу.

Как ты проводишь время? Заводишь ли знакомых?! А то проработаю.

Пытаюсь звонить тебе почти каждый день, когда не валяюсь, однако обычно очень трудно дозвониться, а очень поздно будить тебя не хочется.

Крепко, крепко целую.

Дау.

* * *

31.V.37

Корунечка, моя любимая.

Наконец-то вчера дозвонился до тебя, а то тебя все нет дома (номер не отвечает, и я уже несколько беспокоился). Ты не можешь даже представить себе, моя девочка, как мне приятяяяяяяяяно слышать твой голос. Надо обязательно устроить, чтобы мы виделись не с такими длинными перерывами, а то как тоскливо становится.

Что с твоим здоровьем? Чувствую, что оно не в порядке и ты опять не лежишься. Как тебе не стыдно?! Напиши подробно об этом!

Какой твой отпуск?! Хорошо, если не с 1-го июля, а то мне раньше конца июня не вырваться в Харьков. На днях опять позвоню тебе.

Крепко, крепко целую.

Дау.

Я так тебя люблю, Корунечка, а ты даже не чувствуешь.

* * *

18.VI.38

Девочка моя любимая, ты представить себе не можешь, как я люблю читать твои письма. Я никогда не читаю их на людях, а всегда читаю один, сидя в уголке, чтобы можно было представить себе твои серенькие глазки. Я читаю их так медленно, словно ем что-то очень, очень вкусное, но чего ужасно мало и сейчас вдруг кончится. Только жутко немного бывает, а вдруг ты написала, что меня совсем разлюбила или разозлилась на меня. Ведь я так люблю тебя и мне так одиноко, что ты не веришь в мою любовь.

Мне и смешно и грустно слушать, когда ты жалуешься, что я не приезжаю. Ведь я, Корунечка, тоже на работе, и хотя мне легче разъезжать, чем тебе, но все-таки не так уже просто. Ты ведь, небось, даже не уверена, сможешь ли приехать сюда кроме ноябрьских и майских дней. Здесь в институте отпуск только с конца июля, и мне трудно уехать отсюда больше, чем на месяц раньше конца года. А сейчас еще Бор здесь.

Как твое здоровье, любимая моя? Я ужасно боюсь за тебя. Ты так плохо следишь за своим здоровьем и мне всегда страшно думать, что сейчас, когда меня нет, никто не следит за тем, ходишь ли ты к врачам или совсем забросила лечение.

Как с путевкой, ведь потом трудно будет достать?!

* * *

25.XII.37

Корунечка, любовь моя, от тебя ничего нет. Как я боюсь за тебя, моя деточка. Когда я думаю о том, что с тобой может что-нибудь случиться или ты меня разлюбишь, становится так жутко, жутко. Я как-то даже

представить себе не могу, как я мог бы жить дальше, зная, что большие никогда не увижу моей Корочки.

Не обращай внимания на унылый тон письма. Я просто беспокоюсь за тебя и немного скис, но, в общем, со мной все в порядке.

Читала ли ты «Война 1938 г.» в № 8 журнала «Знамя» за 1937 г.? Немного жутко, но неплохо написано. Там же очень милые стихи об испанской интернациональной бригаде. Вот это люди!

Когда я, наконец, увижу тебя, моя девочка? Мне кажется, что я буду целовать тебя два часа подряд. Ведь я должен заучить тебя всю наизусть, а то детали как-то забываешь.

Дау.

* * *

23.II.38

Корочка, дорогая.

Вот и еще две шестидневки будут без тебя. А там опять еще что-нибудь помешает. Мне уже начинает казаться, что я никогда больше не увижу тебя, что ты, как сказочная фея, промелькнула и исчезла.

Не сердись, Корунечка, на ноющий стиль писем. Но ведь я первый раз за все три с хвостиком года нашего знакомства не вижу тебя так долго. Жизнь кажется такой ненастоящей, никому ненужной. А когда подумаешь, что а вдруг моей девушке и вовсе не хочется меня видеть, то становится совсем кисло. Если письма наводят на тебя тоску, то можешь рвать их не читая, но сама пиши обязательно, хоть изредка, хоть строчку. А то мне будет казаться, что я тебе уже совсем не нужен.

Крепко, крепко целую мои далекие серые глазки.

Дау.

* * *

24.II.38

Корунечка, дорогая, пишу тебе чуть ли не каждый день. Чувствую, что мои письма порядочно надоели тебе, тем более что таланта к письмам у меня нет, но удержаться не могу.

Постараюсь дозвониться до тебя: боюсь, впрочем, что ты скажешь, что и б-го не приедешь, а только еще позже.

Я всегда знал, что буду скучать, если долго не буду видеть тебя, но что станет так грустно – не думал.

Что-то с тобой, моя девочка? Как ты себя чувствуешь? Что делаешь, о чем думаешь? Много ли изменяешь мне и вспоминаешь ли обо мне иногда? Самое главное, чтобы тебе было хорошо! Имей в виду, что даже если совсем, совсем разлюбишь меня, все равно должна приехать в Москву. Ведь ты сейчас не будешь, как когда-то, бояться, что я тебя изнасилую, а отдохнуть тебе во всяком случае совершенно необходимо.

*Смотрю на твои карточки и облизываюсь. Неужели эта девушка меня любит? Имей в виду, что когда ты приедешь, я совершенно зацелую тебя. Впрочем, когда это еще будет.
Дау.*

* * *

27.III.38

Корунечка, дорогая, как тебе не стыдно писать всякие глупости. Ведь ты прекрасно знаешь, что я всегда начинаю писать тебе через две шестидневки после твоего отъезда, а что касается моей карточки, я ведь написал надпись; и притом ты вообще забыла карточку здесь.

Очень, очень люблю тебя и уже скучаю по моей сероглазой девочке. Карточка твоя довольно маломощная, ты просто гораздо лучше.

Крепко, крепко целую.

Дау.

* * *

Наш роман перешел в письма, хотя мы иногда и виделись. Писал он много, я сохранила все письма.

Мои письма он также бережно хранил, но они заинтересовали тех, кто увозил его в «черном вороне» ночью в конце апреля 1938 года.

Даунька очень сожалел, когда, вернувшись через год, обнаружил исчезновение моих писем вместе с моими фотографиями.

Некоторые его письма я привожу здесь полностью. Те сетования, которые он высказывает в письмах в отношении моего здоровья, возникли по следующей причине. Дау, будучи в Москве, стал приобщать меня к настоящей культуре: человеческая личная свобода неприкосновенна, я должна о нем помнить, но скучать мне запрещается. Я должна заводить новые романы для развлечения, просто от скуки, если ему представится возможность – он обязательно в Москве заведет романчик. У него, правда, большая трудность, так как он чистый красивист, а свободных красивых девушек почти нет, и только это его удерживает. А от побочного романчика он будет меня любить еще сильнее, потому что все женщины проигрывают в сравнении со мной! Я только в выигрыше. И если я его люблю, я должна радоваться, если он преуспевает.

Вначале я расстроилась и загрустила. Вырвалась из Харькова на несколько дней в Москву, и вот такой сюрприз. Но он так восстал против ревности. Ревность несовместима с человеком. Это самое дикое, самое низкое, самое эгоистическое качество. Я испугалась, что у него глаза выскочат из орбит. Взгляд сделался жестким. «Успокойся, я просто плохо себя чувствую». Он сразу стал прежним Дау, в его глазах засветилась забота, нежность, любовь! Как только он начинал меня воспитывать, у меня возникали болезни. Только в этом было спасение. Не отвечала на письма после его воспитания – не могла, болела, воспаление легких и т.д. Была молода, здорова и никогда не болела. Ревновала ужасно. «Корочка, у тебя слезы на глазах, что с тобой?» – «Даунька, страшно болит голова...» С утра до поздней ночи была на фабрике, в цеху, все дежурства, все учеты, все переучеты, работала в выходные дни, копила запасные выходные и уезжала в Москву.

Глава 14

30 апреля 1938 года было воскресенье. У меня билет в Москву на 16 часов, а в 10 часов утра я получила из Москвы телеграмму без подписи: «От приезда в Москву воздержитесь». Свет померк. После майских праздников, не используя свои выходные дни, я вышла на работу. Ко мне в лабораторию зашел начальник цеха товарищ Сладков. Закрыв дверь на ключ и убедившись, что мы одни, он спросил меня:

– Кора, ты с ним записана была?

– Нет.

– В партком не ходи, ничего никому не говори.

В тот год я была кандидатом в члены партии. В цеху я встретила нашего парторга, была такая замечательная женщина товарищ Осядовская. Она отвела меня в сторону, спросила:

– Кора, ты с ним была записана?

– Нет.

– В партком не ходи, никому ничего не говори.

Я была потрясена благородством этих людей. Наш начальник цеха товарищ Сладков был старый большевик, работал в подполье. Подумала: откуда все так быстро узнали? Но ко мне удивительно отнеслись, очень хорошо. В начале зимы пришла одна путевка на фабрику, на курсы повышения квалификации. Путевка в Ленинград на всю зиму. Эту путевку дали мне. Все знали, молчали и хотели чем-то мне помочь. Так я это расценила: с университетским образованием на фабрике я была одна, повышать квалификацию другим было нужнее.

В Москву поезд прибыл днем, на Ленинград поезд вечером. Поехала на Воробьевы горы, ходила возле Института физпроблем. Осмотрела окно спальни Дау на втором этаже: штора спущена, форточка открыта. Взяли его ночью. Слезы застилали глаза, в ленинградский поезд села вся опухшая от слез.

В Ленинграде меня поселили в прелестном номере гостиницы «Московская» с Анечкой – москвичкой с фабрики «Большевик». Анечка была очень кокетлива, а серьезный поклонник появился у меня.

– Кора, ты долго будешь издеваться над Костей? Он глаз с тебя не сводит.

– Анечка, ты опять за свое.

– Да. Он меня просил, чтобы я поговорила с тобой. Почему ты не пошла с ним в кино?

– Аня, но в кино с ним пошла ты!

– Конечно, на твой билет и по твоей просьбе, а там в кино он мне рассказал, как он влюблен в тебя. Очень мне это интересно! А сейчас он спрашивает, не хочешь ли ты пойти в Мариинский театр?

– Неужели на «Лебединое озеро»?

– Да. Ты что, мечтала посмотреть «Лебединое озеро»?

– Анечка, как говорят, кошмар – не то слово. Вот представь себе, я совсем не музыкальна, балет смотреть могу, но не вечно же «Лебединое озеро». За всю свою студенческую жизнь в Киеве, Харькове, а потом в Москве, как только у меня билеты в оперный театр, там всегда идет «Лебединое озеро»».

– Кора, неужели ты сможешь отказать Косте пойти с ним на балет?

– Анечка, пойдешь опять ты.

– Кора, я серьезно тебя не понимаю. Живем мы вместе уже около двух месяцев, ты никуда не ходишь, никому не пишешь письма, не получила ни одного письма. У тебя никого нет. Тебе ни разу никто не позвонил, мы же все время с тобой вместе. Костя не может не нравиться. Он красивый.

– Да, он красив.

– Он высокий?

– Да, он высок.

– Глаза у Кости синие?

– Да, глаза синие. Анечка, Костя – стоящий парень, он и красив и очень славный. Он тебе очень нравится?

– Ну и что же, а влюблен он в тебя. Кора, я не понимаю, это у тебя тактика такая, что ли, хочешь его еще сильнее привязать к себе? Он хочет жениться на тебе, что тебе еще надо?

– Анечка, я говорю серьезно. Я очень люблю своего жениха. Он сейчас в заграничной командировке. Он мне писать и звонить не может, я ему тоже писать не могу. Он должен вернуться через два года.

– Почему писать не может? А, поняла, он наш разведчик!

– Аня, я тебе этого не говорила!

– Кора, теперь я все поняла, почему ты такая грустная: ведь он в большой опасности.

– Анечка, не фантазируй, я тебе этого не говорила.

– Согласна, буду нема, как могила.

– Анечка, Костя – москвич, ты – москвичка, давай его женим на тебе, сама сказала: хочет жениться.

– Так он на тебе хочет жениться!

– Это неважно. Ты кокетлива, мне сказали: кокетство – сильное оружие у женщин. Я вижу, ты в него влюблена.

– Да, да. Я влюбилась в него с первого взгляда.

– Анечка, я тебе помогу. Билеты на «Лебединое озеро» на какое число?

– На завтра.

– Я завтра вечером заболела, а Костю попрошу – он пойдет с тобой. Он уже пригласил меня встречать с ним Новый год. Я согласилась при условии, если столик на троих и третьей будешь ты. Он с радостью согласился. Я быстро смоюсь, ты останешься с ним, кокетничай вовсю, ты умеешь и тебе это идет. Я уеду в Харьков, а вы оба будете в Москве и поженитесь.

– Кора, это все неосуществимо, он влюблен в тебя.

– Аня, давай пари.

– Давай, на что?

– Хрустальная ваза для цветов, – сказала я.

Летом 1939 года я получила телеграмму из Москвы: «Ваза за нами». Подпись: «Аня и Костя Андреевы».

Когда Анечка с Костей ушли на балет, я лежала и рыдала. Еще один очень стоящий парень хотел на мне жениться. Еще в Киеве один подлец застрелился: я не хотела быть его женой! А Дау – не захотел. Почему? Неужели в браке гибнет любовь? Нет, нет! Дау неправ. Я никогда не смогу его разлюбить! Его никогда нельзя забыть! А он в опасности. Даже Анечка, как пророк, сказала: он в большой опасности. Опасность была велика!

Здесь я должна остановиться, чтобы объяснить, почему мне было так одиноко, когда Дау не было рядом целый год.

Согласно философии, которую внушал Дау, я имела право ответить взаимностью желаниям Кости. В этом случае Дау мог только приветствовать мое поведение и радоваться, что я смогла скрасить свое одиночество. Сомнений в искренности представлений Дау о человеческих отношениях у меня не было. Костя, как я писала, был красив, обаятелен, любил меня и мечтал видеть во мне свою жену, чему так противился Дау. Но, к сожалению, я не была вольна распоряжаться своими чувствами. Я бесконечно терзалась, я ничего не знала о Дау! Я его любила, и ни один мужчина мне не был нужен.

Это ощущение было тем острее, что я не верила в возвращение Дау. В то время ушедший не возвращался. Я не ждала его! Но в тот год я поняла: после Дау никогда никого полюбить не смогу. Испытав силу большой, настоящей страсти, влюбленности, на «эрзац» пойти невозможно!

Но свершилось чудо!

Глава 15

30 апреля 1939 года ночью зазвонил мой телефон в Харькове. Слышу голос Дау:

– Коруша, милая, ты есть? Ты меня не забыла?

– Дау, ты?!

– Я.

– Откуда звонишь?

– Из Москвы, из своей квартиры. Когда ты приедешь?

– Сейчас, сегодня. Нет, наверное, завтра.

Но завтра тоже не смогла, было много общественных дел и работа. Через несколько дней оформила отпуск.

В Москве при встрече:

– Даунька, милый, как ты исхудал. Ты стал совсем прозрачный. А где мои черные, красивые локоны?

– Корочка, дорогая, это все такие мелочи. Я счастливчик! Я еще увижу небо в алмазах! А, главное, я снова с тобой! Я этот год жил мечтой о тебе. Представляешь, вдруг следователь показал мне твои фотографии, говоря: «Если подпишете, то за этими стенами есть вот какие девушки». – «Она в жизни гораздо красивее, – ответил я. – А подписать подтверждение, будто я – немецкий шпион, я не могу! Подумайте сами: всю свою жизнь я влюблялся только в арийских девушек, а нацисты это преследуют».

– Даунька, а потом подписал?

– Нет, Коруша, я не мог этого подписать.

– Дау, скажи, там было очень страшно?

– Нет, что ты, совсем не страшно. Я даже имел некоторые преимущества.

– Какие?

– Во-первых, я не боялся там, что меня могут арестовать! Во-вторых, я мог ругать Сталина вслух сколько хотел. Я занимался наукой и сделал несколько работ. Коруша, я там даже немного развлекался.

– Там были девушки?

– Ну что ты, конечно, нет. Но там было много ослов-подхалимов. Я их дразнил, а дразнение – это своеобразное развлечение. Я очень люблю дразнить, когда есть за что!

– Как же ты их дразнил?

– Подхалимы, сидевшие со мной в одной камере, вваливаясь после допроса, выкрикивали: «Да здравствует Сталин!» А я им цитировал Ленина: «Никто не повинен в том, если родился рабом, но раб, который не только чуждается стремления к своей свободе, но приукрашивает и оправдывает свое рабство, есть внушающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам».

Все эти высокопоставленные чиновники, к которым я попал в компанию, очень плохо помнили учение Ленина и совсем не знали «Капитала» Маркса.

– Даунька, что у тебя с руками? (Руки по локоть были как бы в красных перчатках.)

– Ты испугалась моих рук? Это мелочь, все пройдет, просто нарушен обмен веществ. Понимаешь, там было пшенинное меню. А пшено я не ем, оно невкусное. Когда пришел приказ прекратить мое дело, я уже не ходил. Только лежал и занимался тихонько наукой.

– Ты лежал, умирал с голоду, при том, что тебе подавали готовую горячую свежую еду?! Даунька, а нормальные люди, когда голод, едят опилки и лебеду. Ты ведь хотел выжить?!

– Еще бы. Очень. Мечтал выжить, чтобы увидеть тебя.

– Но ведь ты принимаешь лекарство. Разве оно вкусное?

– Нет, лекарства по своей идее должны быть невкусными. Я их принимаю по предписанию врачей.

– И пшено ты должен был принимать как лекарство, по предписанию жизни, чтобы выжить!

– Корочка, какая ты умная, я не догадался так сделать. Пшено как лекарство я смог бы употреблять. Очень, очень хотелось выжить!

– Дау, ты всегда был для меня загадочно непонятен. С первой нашей встречи ты без конца меня удивлял и покорял. Вначале я решила, что ты человек не нашей эпохи. Родился на тысячу лет раньше. Но ты человек не нашей планеты!

– Нет, я просто счастливчик. Коруша, мне страшно повезло, понимаешь, наш Кентавр сделал эксперимент с гелием. Он считал свои результаты открытием. Но ни один физик-теоретик мира не может объяснить это загадочное явление природы. Капица считает, что это все смогу объяснить я один! Об этом Петр Леонидович Капица написал письмо в Центральный Комитет, и вот я с тобой.

А попал Дау в тюрьму по доносу П., одного харьковского ученика. Он был одним из пятерки его первых харьковских учеников. <...>¹

С историей этого доноса я забежала немного вперед. О нем мне рассказал Дау много позднее. Он был уже Героем Труда, когда этот подлец явился к нему в Институт физпроблем просить прощения за свой донос.

– Коруша, он еще посмел протянуть мне руку!

В 1938 году, когда Дау был в тюрьме, я была пропагандистом. В те годы было принято беспредельно возвеличивать Сталина и его «знаменитую» речь. Это было выше моих сил. Вот и решила купить патефон и набор пластинок с речью Иосифа Виссарионовича. На свой участок я регулярно приносила патефон, заводила его и крутила пластинки. Успех превзошел все ожидания, явка стопроцентная! Никто не мог себе позволить не явиться и не прослушать эту речь до конца.

Меня стали хвалить на общегородских партийных активах Харькова и даже советовали всем агитаторам брать с меня пример. Думала: неужели поняли мой замысел? Или им всем действительно нравится речь? В те годы это оставалось тайной. В сталинские времена было много вопросов, но не было на них ответов.

Теперь возвращаюсь к очередным событиям моего приезда в Москву 1939 года. Вслед за мной примчался и Женька Лифшиц. Его первые слова к Дау: «Вот теперь-то ты понял, каким был ослом, что тогда вернулся из своей последней заграничной командировки. Какие тебе роскошные условия предлагали англичане наперебой с американцами, а ты вернулся в свою свободную страну и получил тюрьму! Скажи честно: жалеешь, что вернулся в Советский Союз?»

Даунька удивленно посмотрел на Женьку:

– Ты что, с луны свалился? Нет! Не жалею и никогда не пожалею! На свое тюремное заключение я смотрю просто, как на стихийное всенародное бедствие. В Советском Союзе я встретил Кору. Свою жизнь я разделил на две эпохи: до встречи с Корой – первая и вторая – после встречи с Корой. И потом, несмотря на разные искажения в системе управления нашего государства, наш социалистический строй – самый справедливый на нашей планете. Пойми главное: марксизм отрицает все религии, а капитализм поощряет слишком многоликую религию. Ты – научный работник. Попробуй совместить науку с религиями. Наука и религии несовместимы в международном масштабе! Религии есть обман трудящихся на всей планете.

---

¹ В некоторых местах рукописи по настоянию И.Л.Ландау сделаны купюры.

– Дау, я вижу, тюрьма тебя ничему не научила. Скажи только, когда ты собираешься получать свою зарплату за целый год?

– Я?

– Да, ты. Разве ты не знаешь, что люди, вышедшие из тюрьмы чистыми, за вынужденный прогул получают полную компенсацию от государства.

– Это я знаю, но грабить государство не собираюсь. Я слишком счастлив, что все позади. Я ничего не желаю получать за свое освобождение. Я хочу жить и наслаждаться всеми благами жизни. Я еще увижу небо в алмазах.

– Дау, знаешь (уже изменив тон с наступательного на заискивающий), когда я узнал о твоём аресте, сразу взял отпуск в Физтехе, отпуск за свой счет. Друзья отца, медики, обеспечили меня справками, и я уехал в Крым. Как я боялся, что меня схватят за дружбу с тобой! Я нигде не прописывался, исколесил весь Крым, из-за тебя я целый год не получал зарплаты и ощутил большой убыток.

– Так. И на радостях, что я свободен, ты еще что-то хочешь с меня получить?

– Нет, нет. Я понимаю: раз ты отказываешься от этой крупной суммы, возмещение моих убытков отпадает.

Мне стало омерзительно, я хотела уйти в другую комнату.

– Коруша, ты куда? Не уходи! Слушай, Женька, Кора будет у меня еще только три дня. Вот когда она уедет, тогда и приходи, а сейчас пошел вон.

А мне Дау сказал:

– Я как-то не замечал лишений в тюрьме. Много занимался, сделал четыре работы за год. Это не так уж мало.

– Тебе давали там бумагу?

– Нет, Корочка, я в уме запечатлел свои работы. Это совсем не трудно, когда хорошо знаешь свой предмет.

При мне приходили его друзья, спрашивали: «Тебя пытали?»

– Ну, какие это пытки. Иногда нас набивали в комнату, как сельдей в бочку. Но в такой ситуации я, размышляя о науке, не замечал неудобств.

Как все это объяснить?

Его лоб свидетельствует о том, что он мыслитель. Пребывание в тюрьме не нарушило процесса его мышления. В жизни он был выше мелочей быта, в тюрьме – выше тюремных неудобств. Он нашел в себе силы пренебречь жестокой жизненной ситуацией и творить науку. Он был прежде всего физик, а потом человек. Он мог создать вселенную в собственной душе, пренебречь всем во имя поисков научных истин. Погружаясь в неразгаданные тайны природы, в нормальных условиях забывал обедать, ужинать и спать. Все знавшие его физики говорили: еще не было в мировой науке теоретика, столь виртуозно владеющего математическим аппаратом. Для него не существовало пределов. Он мог все.

Он обладал поразительной способностью мгновенно от всего отключиться, вдумываясь в возникший вопрос. В Ландау поразительным образом сочетались молниеносная быстрота ума с глубокой образованностью, осведомленностью, энциклопедичностью и универсализмом. С его смертью ушел последний физик-универсал. «Ландау знал все, потому что его интересовало все».

Главное оружие Ландау – его логика. Она ярко демонстрировала его необыкновенную научную интуицию и силу научного воображения. Машина легендарной, железной логики, как и счетно-вычислительная машина, была самой природой запрограммирована в клетках мозга физика Ландау. Процесс его научного мышления не требовал никаких пособий: литературы, справочников, логарифмических линеек и таблиц. Эта виртуозность и изобретательность в

применении орудий своего труда вызывали удивление у тех, кто мог в достаточной степени все это понять и оценить.

Огромный творческий потенциал, широчайший диапазон интересов, универсализм роднят Ландау с великими людьми эпохи Возрождения.

Ландау был прост и доступен всем, и если в семьях физиков случалась беда, он всегда помогал, чего никак нельзя сказать о Кентавре.

После смерти Ландау Петр Леонидович бывал моим гостем в памятные даты, но при посторонних было неудобно разводить канитель о воровских делах Е.М. Лифшица. Уже 1980 год, а уворованные вещи все у Лифшица.

Сейчас Петру Леонидовичу Капице уже 88 лет, его просто нельзя тревожить по мелким делам Лифшица.

Когда наше правительство решило создать свою атомную бомбу, то Сталин во главе этого дела поставил Берия, заместителем по научной части был назначен П.Л.Капица. Сознывая всю ответственность задания, он, однако, не мог начать работы, потому что на всех важных бумагах должна была стоять подпись – Берия, который появлялся весьма редко. Кроме основной работы, у него было много наложниц. В конце концов Капица написал письмо самому Иосифу Виссарионовичу, в котором назвал Берия бездельником, прохвостом и просил освободить его от занимаемого поста, а ему, Капице, предоставить полную свободу действий, если нашей стране нужна атомная бомба.

Письмо подействовало почти мгновенно. На следующий день со всех постов был снят Капица и даже выселен из специально построенного для него особняка. В опале на даче он прожил 8 лет, до самой смерти Сталина.

На даче Капицу посещали его друзья: Рубен Симонов, Любовь Орлова, Григорий Александров и многие другие. Сотрудники института тоже не забывали его. Будучи на даче, он узнал, что институт стал носить имя С.И.Вавилова, который ни к созданию, ни к работам данного института никакого отношения не имел. Это была рука Берии. В конце концов Берия от работ над атомной бомбой был отстранен, это очень серьезное дело успешно возглавил И.В.Курчатов.

Дау всегда восхищался своим директором – как ученым, так и талантливым инженером. Редко, когда два таланта сочетаются в одном человеке. Его способ получения жидкого кислорода вошел в промышленность всего мира, а нашей стране дал огромную экономию.

После смерти Дау я попросила Петра Леонидовича подробно рассказать, как ему удалось вызволить Дау из тюрьмы при Сталине.

Он рассказал: «Когда мы охлаждали жидкий гелий до температур, близких к абсолютному нулю, он не становился твердым, как все жидкие вещества, а терял свою вязкость, переходя в состояние сверхтекучести. Эксперимент говорил об открытии, но ни один теоретик мира не мог объяснить это явление. Тогда я написал письмо Сталину, что мои руки экспериментатора сделали открытие, а мозг института – физик-теоретик Ландау – по непонятным причинам заключен в тюрьму. Если не освободят Ландау, я прекращаю все работы в институте. А вновь отстроенный институт с дорогим импортным оборудованием только начал набирать темпы работы.

Вскоре мне позвонил Молотов. Он просил спокойно работать и сказал, что мне моего Дау отдадут. Только, предупредил он, «это» учреждение любит работать по ночам, поэтому я не должен волноваться, если меня по этому поводу побеспокоят ночью.

На следующий день, когда я был в своем рабочем кабинете, мне сообщили, что ко мне приехал человек из Госплана. Он вошел в кабинет в плаще с поднятым воротником и в кепке, надвинутой на глаза.

– Позвольте, почему вы не разделись? Раздевалка у нас на первом этаже.

Вошедший демонстративно снял плащ и кепку. Он оказался заместителем самого Ежова. (Да, да, кровавого Ежова!) Улыбнувшись, я спросил его: «Вы что, стесняетесь своего мундира?» (Какова реакция! Не просто смело, а отважно смело! Петр Леонидович славился молниеносной реакцией ума и оригинальностью оборотов речи.)

Потом за мной заехали ночью и повезли на Лубянку. Благодаря звонку Молотова я понял, что уже есть решение об освобождении Дау. Просто в те времена в этом учреждении было принято устрашать посетителей, особенно тех, кто осмеливался оправдывать «врагов народа».

Со мной был тоже разыгран спектакль запугивания, так что к следователю по делу Ландау я попал часа через три. Он подал мне папку, говоря: «Прочтите, за кого вы смее заступаться». Папку я отодвинул в сторону и сказал решительно: «Я это читать не буду, лучше вы мне скажите сами, зачем талантливому физическому, так преуспевающему в своей профессии, менять ее на деятельность шпиона чужого государства?» Домой я вернулся в 4 часа утра.

Всем нам остается только преклоняться перед смелостью этого благородного человека!

– Анна Алексеевна, как вы провели эти страшные четыре часа?

– Я стояла у окна и смотрела вслед увозящей его машине и не отходила, пока эта машина не привезла его обратно.

Первым сотрудником «капичника» стал Александр Иосифович Шальников, или просто Шурочка Шальников, о котором в студенческие годы были написаны такие стихи:

Не плечист, зато речист!
Сердцем нежен, духом чист.
Просто грех о нем злословить!
Шура Шальников.

Когда Шальников приехал в Ленинград, академик Алиханов его спросил: «Шурочка, скажи, твой новый шеф, кто он? Человек или скотина?»

– Он – кентавр. Не с того конца подойдешь, лягнет, да еще как!

Так молниеносно окрестил Капицу Шальников. Кличка прилипла. Все физики все эти годы, говоря между собой о Капице, называли его только Кентавром.

Из «Резерфорда» Данина мы знаем, что молодой Капица чудом был оставлен работать у Резерфорда. Ведь когда Иоффе стал просить великого ученого зачислить в штат своего очень талантливого ученика, Резерфорд сухо сказал: «У меня в штате 30 мест, и все заняты». Тогда его спросил сам Капица: «Профессор, скажите, какой процент ошибок вы допускаете в научных опытах?»

– Мы разрешаем себе ошибаться только на один процент!

– Почему же в штате не допустить ошибки тоже только на один процент?

– Оставайтесь! Вы зачислены в штат!

Резерфорд оценил ум Капицы. Он имел привычку громоподобным голосом распекать своих мальчиков. Видно, на Капицу этот зычный голос поначалу нагонял страх. В письмах к матери он своего шефа называл только «крокодиллом». Через годы, став уже любимым учеником и признанным талантом, он эту кличку обнародовал в Кембридже, объяснив, что, мол, в России крокодилы в большом почете, они-де не поворачивают голову назад.

И на новом здании, построенном Резерфордом для лаборатории Капицы, справа от входа изображен карабкающийся по стене крокодил, высеченный из камня. За работу над скульптурой крокодила уплатил Капица. Резерфорд, смотря на каменного крокодила, с улыбкой сказал: «Я знал, что вы меня прозвали крокодиллом, и очень радовался, что не ослом». Бор снял копию этого крокодила и поставил на камин.

Кентавр совсем не так добродушно отнесся к своей кличке. Своего «крестного отца» он продержал лишних два десятка лет в членкорах.

Да, Кентавр спас жизнь Ландау в эпоху сталинизма. Когда пришло освобождение, Дау уже не ходил, он тихонечко угасал. Его два месяца откармливали и лечили, чтобы он на своих ногах вышел из тюрьмы. Но если бы сверхтекучесть гелия смог объяснить какой-нибудь иноземный теоретик, Ландау не вышел бы из тюрьмы. Ведь о Ландау Кентавр вспомнил, когда все физики мира оказались в тупике. За теорию сверхтекучести гелия Ландау был удостоен Нобелевской премии, причем один, без компаньонов!

Это совсем не так часто встречается среди нобелевских лауреатов. Мало кто знает, что Кентавру за эксперимент с гелием Нобелевский комитет много лет назад хотел присудить одну премию на двоих. Кентавр взвился на дыбы: ему – полубогу! И только полпремии! Он отказался ее получать. Десятки лет спустя, на восемьдесят пятом году жизни, он получил Нобелевскую премию, но все-таки с компаньонами.

Вот И.Е.Тамм, по «вине» Ландау, получил Нобелевскую премию за счет Черенкова: Дау получил запрос Нобелевского комитета относительно «эффекта Черенкова». В традициях комитета было награждать авторов технических усовершенствований, если они вошли в промышленность мира и не подвергались изменениям в течение 30 лет.

Дау объяснял мне так:

– Такую благородную премию, которой должны удостаиваться выдающиеся умы планеты, дать одному дубине Черенкову, который в науке ничего серьезного не сделал, несправедливо. Он работал в лаборатории Франк-Каменецкого в Ленинграде. Его шеф – законный соавтор. Их институт консультировал москвич И.Е.Тамм. Его просто необходимо приплюсовать к двум законным кандидатам.

Понимаешь, Коруша, Игорь Евгеньевич Тамм очень хороший человек. Его все любят, для техники он делает много полезного, но, к моему большому сожалению, все его труды в науке существуют до тех пор, пока я их не прочту. Если бы меня не было, его ошибки не были бы обнаружены. Он всегда соглашается со мной, но очень расстраивается. Я ему принес слишком много огорчений в нашей короткой жизни. Человек он просто замечательный. Соавторство в Нобелевской премии его просто осчастливит.

Вот и Отто Юльевич Шмидт присылал мне на отзывы свои научные труды по математике, в которых, кроме математических ошибок, никакой науки не было. Я его очень уважал как великого и смелого путешественника, старался в самой деликатной форме ему объяснить его ошибки. Он плевал на мои отзывы, печатал свои математические труды и получал за них Сталинские премии. После тюрьмы я из «язычества» перешел в «христианство» и разоблачать Шмидта уже не мог».

Впоследствии, еще при жизни Тамма, на одном из общих собраний Академии наук один академик публично обвинил его в несправедливом присвоении чужого куса Нобелевской премии.

В те дни я у Дау спросила:

– А ты согласился бы принять часть этой премии, как Тамм?

– Коруша, во-первых, все мои настоящие работы не имеют соавторов, во-вторых, многие мои работы уже давно заслужили Нобелевскую премию, в-третьих, если я печатаю свои работы с соавторами, то это соавторство нужнее моим соавторам.

Он умел все просто и спокойно объяснить.

Но вернемся к кентавризму. Человеческая половина в Кентавре была высокого качества: блестящий ум, большой талант и беспредельное самолюбие (как быстренько он поставил на место самого Резерфорда, сам зачислил себя в штат!). Когда он достиг высот, то стал считаться только с именитыми и полезными ему людьми. К моей беде, я не принадлежала ни к тем, ни к

другим. Лифшиц ему доложил, что Ландау к науке не вернется из-за потери ближней памяти. Капица сразу потерял к Ландау интерес, распорядился меня не принимать, все связанное с Ландау возложил на Лифшица. Так ему было проще.

Так что Шальников, окрестив Капицу Кентавром, только констатировал факт: раз лягается, есть копыта. Кличка прилипла как банный лист.

Капица, конечно, знал историю своего перерождения, но добродушием Резерфорда не обладал.

Приближался пятидесятилетний юбилей Кентавра. Институт собирался торжественно отметить это событие.

Очень часто физики института собирались у нас на квартире. В один из таких моментов к нам зашла Ольга Алексеевна Стецкая, заместитель Капицы. Физики ее не любили, прозвали Стервецкой. Она на почве ревности написала Сталину донос на собственного мужа, который был расстрелян. Стецкая сказала: «Дау, я знала, что все физики у вас, а мне необходимо посоветоваться. Отпущены средства на достойный подарок Петру Леонидовичу. Я не знаю, чем его обрадовать». Вскочил Шальников: «Как чем? Естественно, бронзовым кентавром на мраморном пьедестале!» Растерянная Стецкая воскликнула: «Вы надо мной издеваетесь!» Тут все физики с серьезными лицами стали ее уверять, что кентавр божественного происхождения. Кентавр олицетворяет саму мудрость. Мудрейший кентавр Хирон обучал сына бога Аполлона Асклепия искусству врачевания. Да сам великий бог Зевс покровительствовал кентавру. И потом – выше пояса он совсем как человек! Дау добавил: «Ольга Алексеевна, среди ученых есть традиция, любя, давать клички. Ведь Капица очень уважал Резерфорда, а окрестил его Крокодиллом. Кстати, и меня все называют Дау. Это ведь тоже кличка!»

Бедная Стецкая, улыбнувшись, поблагодарила и сказала: «А я-то думала, что вы все его так дразните».

Я уже упоминала, что Дау никогда никуда не опаздывал. Мы и пришли на этот юбилей, как всегда, первыми. Следом за нами пожаловал сам Кентавр. Только мы его поздравили, вошла Стецкая с очень тяжелой ношей, упакованной в тонкую белую бумагу. Развернула свой сверток (подарок): торжественно сверкнула золотом бронза на черном мраморе, круп коня взвился ввысь на задних ногах, передними потрясая в воздухе, тело получеловека с лицом Петра Леонидовича сверкало красотой мышц и позолотой. Кентавр, созданный скульптором, был великолепен! А Капица в тот момент совсем этого не оценил. Его лицо налилось кровью, глаза засверкали бессильным гневом, язык от бешенства стал заплетаться, он нечленораздельно произнес: «Как вы посмели!» – и выбежал из зала, сильно хлопнув дверью. Стецкая безнадежно скисла. Мы же с Дау восторгались шедевром искусства.

Прошли десятилетия, молодость и зрелые годы безвозвратно ушли, бронзовый кентавр вышел из подполья. Свою старость он встречает, сверкая золотом, полноправным хозяином на письменном столе кабинета Алиханьяна.

На мой взгляд, кентавр благороднее крокодила, жадного и ненасытного, а великий Резерфорд этими недостатками отнюдь не обладал. По капризу судьбы попав в Англию из голодного Ленинграда, Капица просто боялся, что великий ученый отошлет его на родину. Мы, русские, перед крокодиллом испытываем страх, а не восхищение. То ли дело кентавр!..

Кентавр не оценил шутку физиков, свою же шутку ценил очень. Ему все можно, а другим – нет!

Вышедший из тюрьмы Дау в 1939 году стал умолять Кентавра:

– Петр Леонидович, спасите Льва Шубникова, для науки спасите! Только вам это по силам!

– Но, Дау, тогда я должен взять его работать к себе в институт!

Беда была в том, что Лев Шубников мог в эксперименте легко переплюнуть самого Кентавра!

Капица из Англии приезжал в Харьков к Шубникову, он очень интересовался его работами. Резерфорд, оставив работать у себя молодого Капицу, выхлопотал для него повышенную стипендию, заботясь о его материальном обеспечении, а Кентавр на старости лет решил всех молодых физиков, докторов наук, держать на ставках младших научных сотрудников. Я же настолько велик, я создал такой институт, им всем достаточно той чести, что я их оставил у себя работать.

Когда с Ландау стряслась беда, обезглавленным физикам-теоретикам пришлось непосредственно столкнуться с самим Кентавром. Тут он во всем великолепии продемонстрировал им свой кентавриный «ндрав».

Сверходаренные теоретики, ученики Ландау, организовали новый Институт теоретической физики и ушли из «капичника». Встретив Алешу Абрикосова, я спросила, почему они ушли из института.

– Понимаете, Кора, бесконечное ляганье Кентавра выносить невыносимо.

Но Е.М.Лифшиц остался при Кентавре, он работает на Кентавра. Ведь Капица только считается редактором журнала «Экспериментальная и теоретическая физика». Вся редакторскую работу ведет Женька. Это его настоящее призвание, как и роль технического секретаря при Ландау. На этой работе Женьке не нужно творчески мыслить, проявлять инициативу, индивидуальность, так необходимые для науки! Полную непригодность к науке Е.М.Лифшица Кентавр знает прекрасно, тем не менее он его в 1979 году протащил в академики, потому что он ему полезен, умеет стоять по стойке смирно и, кроме того, надо прочесть слишком талантливых, но строптивых теоретиков, таких как Абрикосов, Халатников и др. В итоге бездарь Женька стал академиком раньше, чем такие таланты, как Грибов, Абрикосов, Халатников, Андреев и др.

Кентавр есть кентавр! Получеловек, полускотина. С этим давно согласились все ведущие физики Советского Союза.

Когда Капица писал статью о Ландау для сборника биографий Лондонского королевского общества, он даже написал, что Дау не владел французским языком, только на том основании, что сам им не владеет, а меня наделил образованием пищевода, хотя я окончила университет.

Когда был расстрелян Н.И.Вавилов, ученые, затаив дыхание, ждали, кто будет следующей жертвой. И в один «прекрасный» день в «Известиях» был напечатан подвал, в котором физик Л.Д.Ландау обвинялся в тех же самых грехах, в которых был обвинен Николай Вавилов. Громили физика Ландау и всю его школу физиков (ныне очень ценимую). Я прочла этот злобой дышущий подвал и ничего не поняла. Сплошная ахинея! Автор – некий Соколов из племени физиков-«иваненковцев».

Над Ландау навис дамоклов меч. У Дау погасла улыбка, но глаза сверкали гордо и гневно. Мне он очень серьезно и добро сказал: «Коруша, сейчас ты должна меня бросить, я очень боюсь, как бы тебе не пришлось жалеть, что ты стала моей женой».

– Нет, нет! Никогда не пожалею! Просто, Даунька, мы сейчас с тобой вместе стоим у пропасти.

Каждый день ждали. Ждал и затаился в немом ожидании весь институт. Дау шутил: «Осталось только молиться». Так он говорил всегда в самых безнадежных ситуациях.

Не молились, но пронесло! Это было то время, когда Берию отстранили от руководства работами над атомной бомбой и возглавил эти работы Курчатов. Он обладал могучим талантом организатора. Первое, что он сделал, составил список нужных ему физиков. Первым в этом списке значился Л.Д.Ландау. В те годы только один Ландау мог сделать теоретический расчет

для атомной бомбы в Советской Союзе. И он сделал это с большой ответственностью и со спокойной совестью. Он сказал: «Нельзя допустить, чтобы одна Америка обладала оружием дьявола!» И все-таки Дау был Дау! Могущественному в те времена Курчатову он поставил условие: «Бомбу я рассчитаю, сделаю все, но приезжать к вам на заседания буду в крайне необходимых случаях. Все мои материалы по расчету будет к вам привозить доктор наук Я.Б.Зельдович, подписывать мои расчеты будет также Зельдович. Это – техника, а мое призвание – наука».

В результате Ландау получил одну звезду Героя Соцтруда, а Зельдович и Сахаров – по три.

Телефонный звонок управляющего делами Совнаркома Малышева. Слышу, Дау по телефону отвечает: «За звание Героя Соцтруда я очень благодарен, а вот новая семикомнатная квартира мне не нужна, я от нее категорически отказываюсь. Нет, нет! С женой советоваться я не буду, она всегда согласна со мной. Дача в Барвихе с кирпичным гаражом? Но, позвольте, у меня уже есть одна дача. Я вас благодарю, но мне эти подарки совсем не нужны, семья у меня всего три человека. Да, категорически отказываюсь! Подумать? Посоветоваться с женой? Нет, нам с женой просто ничего не нужно, а за геройскую звезду я вас еще раз благодарю!»

– Коруша, слыхала, хотели меня купить, чтобы я оставил науку и переключился на технику.

Техникой, да еще военной, после создания атомной бомбы настоящие деятели науки не занимались: ни Нильс Бор, ни Роберт Оппенгеймер, ни Отто Фриш, ни многие другие, в том числе Ландау.

Военной техникой занялся А.Д.Сахаров, и у него получилась первая водородная бомба на гибель человечества! Возник парадокс – автору водородной бомбы была присуждена премия Нобеля за мир! Как человечеству совместить водородную бомбу и мир?

Да, А.Д. Сахаров – очень хороший, честный, добрый, талантливый. Все это так! Но почему талантливый физик променял науку на политику? Когда он творил водородную бомбу, в его дела никто не вмешивался! Уже во второй половине семидесятых годов я говорила с одним талантливым физиком, академиком, учеником Ландау: «Скажите, если Сахаров – один из талантливейших физиков-теоретиков, почему он никогда не бывал у Ландау?» Мне ответили: «Сахаров – ученик И.Е.Тамма. Он, как и Тамм, занимался техническими расчетами. У Тамма был только один талантливый ученик-теоретик – Гинзбург. Вот Гинзбург от Тамма и перешел в ученики к Ландау. А Сахарову с Ландау не о чем было говорить, он физик-техник, в основном работал на военную технику».

Что же произошло с Сахаровым, когда у него получилась эта злополучная бомба? Его добрая, тонкая душа надломилась, произошел психологический срыв. У доброго, честного человека получилась злая дьявольская игрушка. Есть от чего полезть на стенку. И еще умерла его жена, мать его детей. <...> Но я до сих пор не могу понять, как может здравомыслящий ученый-физик стать на защиту религии? Все религии несут народам только зло. Вспомните Варфоломеевскую ночь, резню армян, еврейские погромы! Еще совсем юным, в первую заграничную командировку Ландау говорил религиозным физикам: «Если вы верите в бога, это ваше личное дело, но причем тут физика?» Ведь науку и религию совместить невозможно, как невозможно совместить марксизм и религию.

Глава 16

Возвращаясь от Дау из Москвы, я была безгранично счастлива. Дау, Дау! Какое счастье, ты опять есть! Его обаяние, его любовь, его беспредельное восхищение моей женственностью. Еще звучали его слова: «Ты стала еще красивее! Ты прекрасна, как мечта!»

Окруженная облаком настоящего счастья, я сияла и даже излучала заметное сияние для посторонних глаз. Мой сосед по самолету явно хотел уделить мне внимание. Я полулежала в кресле самолета с закрытыми глазами, возвращаться к жизни не хотелось. Кусочек стихов, которые Дау на прощанье мне прочел, я запомнила и все время повторяла их:

Тот, право, не дурак,
Кто видится с женой пореже,
Пусть прочен приходящий брак,
Еще прочнее брак приезжий!

– Корочка, мы с тобой уже пережили и приходящий брак, и приезжий. А сейчас я не могу жить без тебя, поскорее заканчивай все свои дела и переезжай в Москву, мы с тобой женимся.

Подлетая к Харькову, мой сосед спросил меня:

– Вы не спите?

– Нет.

– Мы уже подлетаем к Харькову.

– Как быстро промчалось время.

– Я не нахожу. Вы не спали?

– Нет.

– Я так и думал. Все время изучал вас. Простите мое любопытство. Видите ли, я писатель. Я перебрал все специальности, но для вас ни одна не подошла. Кто вы? Ваша специальность?

– Кондитер, вырабатываю шоколад.

– Вот оно что! Теперь мое любопытство удовлетворено. Так это шоколад придал вам такое ослепительное сияние?!

Я ничего не придумываю. Все было так. Была молодость, была любовь, был Дау.

Потом в Харьков полетели письма, письма, письма...

Около Севастополя. 30.V.39

Корунечка, милая. Еще дня не прошло с того прошлого письма, а я уже опять надоедаю тебе. Когда я вижу тебя, мне всегда кажется, что ты в самом деле любишь меня, а когда тебя нет, мне начинает казаться, что ты просто привыкла ко мне и тебе лень заводить новые романы. Ведь ты такая красивая, и, наверное, все мужчины на тебя облизываются. А во мне совсем ничего особенного нету.

Напиши, Корунечка, о себе. Как ты проводишь время, как развлекаешься. Вообще пиши все мелочи; мне интересно все, что касается тебя, а изменять тебе все равно можно, и я от этого нисколько не буду меньше тебя любить.

Обязательно пришли, Корунчик, свою фотографию, а то я в суматохе не взял их с собой из Москвы и мне не на что глядеть и утешаться. Только письмо перечитывать.

Крепко целую твои глазки.

Дау.

* * *

Гаспра. 1.VI.39

Коруначка, любимая. Здесь очень хорошо. Ем уже по три вторых блюда за обедом и ужином и собираюсь перейти на четыре. Зато с любовницами дело обстоит прескверно. Правда, здесь состав постепенно меняется (уже 40 человек из 80 сменилось), но приезжают все жуткие рожи. Исходил весь берег моря, но тоже ничего кроме дряни не обнаружил. Просто хоть плачь. От скуки осваиваю одну особу явно недостаточного класса (3-го). Она, впрочем, тоже послезавтра уезжает.

Все время вспоминаю мою бедную девочку, которая уже два года не отдыхала, потом еще немного поволновалась из-за меня, а теперь работает с утра до вечера в душном городе.

Коруначка, а вдруг тебе очень плохо?! И развлекаться, вероятно, вовсе не развлекаешься. Напиши, Коруша, об этом, а то я буду очень беспокоиться о тебе.

Крепко, крепко целую.

Дау.

* * *

Гаспра. 1.VI.39

Коруначка, дорогая, как хорошо, что ты дала мне с собой такое милое, милое письмо, а то сейчас мама переслала мне твое письмо из Ленинграда – такое злющее, что просто жуть. Ну прямо совсем, как 3,5 года назад, с той только разницей, что тут ты утверждаешь, что я хоть раньше тебя любил, а тогда говорила, что я вообще никогда не любил тебя. Ну зачем ты все глупости выдумываешь. Или я мало ласкал мою дорогую девочку. Правда, в конце перед поездом, но ведь тут уж так получилось. И еще пишешь, что злая телеграмма. Я, можно сказать, просто гордился, что такую нежную телеграмму придумал, в особенности фразу «вот ты какая». Неужели она в самом деле получилась сухая?!

Когда я получаю такие письма, мне так грустно становится (а ты еще спрашиваешь, почему «бедный Дау») и кажется, что я очень плохой любовник; что моей бедной девочке от нашего романа только одни неприятности, и ты опять жалеешь, что познакомилась со мной.

Коруначка, ну как сделать, чтобы ты была веселой и счастливой?

Крепко целую.

Дау.

P. S. Мне очень понравилось выражение, что я «рассердился» на твои письма. Неужели ты думаешь, что я могу «сердиться» на тебя?

* * *

Гаспра. 3.VI.39

Корунечка, золотая моя. Вот уже 5 дней прошло с того времени, как я видел тебя. И даже без поцелуев (мгновенные – не считаются). Я так ждал этой встречи, но 20 минут это даже не мало, а вовсе ничего: просто словно промелькнула перед глазами как фея в сказке и потом опять исчезла. Ты знаешь, что когда ты рядом, со мной и целуешь меня, тогда мне кажется, что ты в самом деле любишь меня, а когда тебя нет, то всегда кажется, что это ты просто от скуки.

Я здесь перешел уже на четыре вторых и чувствую себя неплохо, но начинаю скучать. Хорошеньких девишек совершенно не предвидится. Даже полухорошенькая, которую я освоил, примерно, наполовину, сегодня уезжает. Впрочем, так как она только полухорошенькая, то и удовольствие от нее весьма умеренное. Не то что ты!!!!.

Крепко целую.

Дау.

* * *

Гаспра. 4.VI.39

Корунечка, дорогая моя девочка. Вот стараюсь не надоедать тебе скучными письмами, но не могу удержаться. А от тебя ничего нет. Может, ты уже забыла своего Дауку или вспоминаешь о нем, как жена о муже – с заботой, но без страсти. А вдруг правда, то, что ты мне тогда говорила, и твоя бывшая влюбленность давно перешла в «любовь», то есть в очень теплое дружеское отношение, но лишено пьянящего угара влюбленности.

Я ем 4 вторых и уже собираюсь переходить на 5. Купаюсь мало, т. к. вода холодная. Все мало-мальские пригодные девишки и хорошенькие и полухорошенькие уехали, и постепенно становится скучно. Измышляю, где бы поискать чтонибудь, а то все килограммы зря пропадут.

Крепко целую далекую девишку.

Дау.

* * *

Гаспра. 9.VI.39

Корунечка, дорогая. Ты не представляешь себе, как грустно каждый вечер спрашивать о письмах и получать в ответ то же вежливое НЕТ. А ты еще говоришь, чтобы не было других любовниц. Тогда я бы хоть немного утешался письмами от них. Бедный Даука!

Я так люблю тебя, Корунечка, всю, всю, всю. И глазки, и пальчики, и волосы (и те и другие), и грудь, и плечи, и голос, и поцелуи, и все остальное. А вдруг я уже надоел тебе и ты не бросаешь меня только потому, что тебе лень искать других любовников.

Как с путевкой? Ты обязательно должна получише отдохнуть и поразвлечься.

Вспоминаешь ли ты меня, Корунечка, хоть иногда, а то мне кажется, что когда меня нет, ты совсем, совсем забываешь обо мне, словно меня «не было», как и Петеньки.

*Достаточно ли развлекаешься?
Крепко целую.*

Дау.

* * *

Москва. 11.IV.39

Корунечка, дорогая моя. Все время перечитываю твое письмо (ведь фотографий ты мне так и не дала). Оно такое миленькое. Особенно про то, как начальник цеха не учитывал твоих обстоятельств. Но, Корунечка, неужели он такой нахальный, что может вовсе не отпустить тебя?! Имей в виду, Корунечка, что мужчины всегда слушаются хорошеньких девушек. В крайнем случае делай ему побольше глазки, и тогда он, наверное, растает.

Не знаю, как быть с билетами? Боюсь, что потом их трудно будет достать и ты соскучишься со мной (мне-то неважно, потому что я всегда могу гладить и целовать тебя).

Я здесь веду очень тихий образ жизни. Ем мороженое, играю в теннис, занимаюсь наукой и ожидаю Корочку. Стал гораздо лучше спать.

Крепко целую.

Дау.

* * *

Гаспра. 16.VI.39

Сейчас получил два твоих письма от 14-го. Неужели ты так совсем всерьез решила «страдать»? Уже оказывается, что ты не сможешь приехать, если Женя с Лелей будут жить у меня. Я уже не говорю о том, что мы не раз раньше говорили с тобой по этому поводу. Твое первое письмо я, кстати, получил с запозданием, происшедшим не от адреса, а от того, что его занесли в другую комнату, а ее обитатель был хам, который не видел необходимости передавать чужие письма обратно; разве ты не получила моего ответа на него? Кроме того, ты знаешь, что я вовсе не верю в твои сомнения в моей любви. Кстати, весьма замечательно, как это я «нисколько не думаю о тебе» и в то же время пишу тебе страстные письма; и это при моей любви к писанию писем. Для тебя все это, конечно, только повод для «страдания».

Знаешь что, Корунечка, давай я умру. Тогда всякие основания для «ревности» исчезнут (в моем распоряжении останутся в лучшем случае ангелы), а с другой стороны появятся факты гораздо более убедительные, чем те, которые ты с таким трудом находишь, и в каждом письме принуждена менять.

Имей в виду, что это пишется совершенно серьезно, и мне совсем, совсем не трудно это сделать, в особенности если это сделает тебя менее несчастной. Ты не представляешь себе, Корунечка, как я устал. Помнишь, как я мечтал раньше отдохнуть хотя бы несколько месяцев подряд, в течение которых меня бы никто и ничто не мучило. Ведь уже 13 лет подряд я живу в постоянном нервном напряжении. Но ты знаешь, что из моей

мечты так ничего и не вышло. Сначала переезд в Москву, потом непрерывное боление, потом Шуб, потом этот жуткий год. Когда ты была у меня в Москве, я старался держаться веселее, и ты, вероятно, не видела, до какой степени я сейчас устал. Меньше 1,5 месяцев отдыха в полубольном состоянии это, конечно, слишком мало. Судя по твоему письму, ты, очевидно, считаешь, что я должен быть благодарен тебе за любезное предложение «бежать» и «не нарушать моих новых увлечений унылыми письмами», но, к сожалению, потеря любимой девушки меня мало устраивает, а для того, чтобы разлюбить тебя, мне надо было бы заниматься самоистязанием в течение многих месяцев, а на это я сейчас совершенно неспособен.

* * *

Гаспра. 16.VI.39

Корунечка, золотая моя. Ну разве ты не жулик? Оказывается, ты не можешь быть счастлива, так как я-де, не могу любить тебя, как ты. Надо же иметь такое нахальство!

Конечно, если влюбленность измеряется всякими «не надо», «нельзя» и всевозможными мучительствами, то здесь тебе первое место обеспечено. Но что мне делать, если мне не доставляет никакого удовольствия мучить тебя. Единственное, чего мне хочется, это чтобы ты была счастливой и хоть немного любила меня. А о том, насколько ты меня любишь, я всегда могу судить по тому, как ты ласкаешься и целуешься. Мне абсолютно безразлично, сколько и каких романов ты заводишь, но когда я почувствую, что ты целуешься без энтузиазма и мои ласки наводят на тебя скуку, я пойму, что твоей любви ко мне пришел конец.

Но счастливой ты должна быть обязательно, все равно, хочешь ты этого или нет. И то, что ты всячески саботируешь счастье, пытаясь быть несчастной под всяческими жульническими предложениями, меня необыкновенно возмущает.

Кстати, ты так ничего и не пишешь о путевке, которую ты должна достать в первых числах июня???!!!

Крепко целую нахальную сероглазую девочку.

Дау.

* * *

Гаспра. 18.VI.39

Корунечка, девочка моя. Ну как мне приструнить тебя, чтобы ты обязательно была счастливой. Уж как я ни объяснял тебе, что ты вообще моя и никто и ни даже ты сама не имеет права обижать тебя, ничего не помогает. А еще утверждаешь, что будто бы сильно меня любишь. Попробуй расскажи кому угодно, что субъекта выпустили из тюрьмы, а его девушка по этому поводу не обрадовалась, а стала выискивать предлоги для того, чтобы быть несчастной, и спроси – можно ли такое отношение называть любовью! Уж какой я был 1,5 месяца назад измученный и несчастный, а когда я целовал и обнимал тебя, мне казалось, что счастливее меня никого на свете

нет. Да и сейчас, если нет от тебя злобных писем, я мечтаю о том, как буду целовать тебя со всех сторон, и мне кажется, что жить очень хорошо. Впрочем, потом ты сразу присылаешь что-нибудь такое злобное, что веселое настроение сразу пропадает. Я, конечно, вымарал на нем возмутительные надписи.

Как ты себя чувствуешь??!! Что с путевкой???!!

Крепко целую.

Дау.

* * *

Гаспра. 22.VI.39

Корунька, любимая. Очень обрадовался, получив от тебя миленькое письмо. Не вздумай только теперь начать волноваться о моем здоровье. А для того, чтобы я не нервничал, самое главное, чтобы тебе было хорошо, и даже не просто хорошо, а очень хорошо и притом все время.

Почему ты ничего не пишешь про сочинскую путевку? Я чувствую, что ты там что-то жульничаешь. Вообще ты, воспользовавшись ревностью, так ничего и не написала о себе. А мне так хочется знать, что с тобой.

Еще целых шесть дней осталось ждать, пока я увижу тебя. Впрочем, увидеть – это пустяки, я должен почувствовать тебя всем своим телом, и глазами, и губами, и руками и т.д.

А пока остается целовать на словах.

Дау.

* * *

Гаспра. 23.VI.39

Корунечка, моя сероглазенькая. Сейчас я уже ни о чем другом почти не думаю, только рвусь к тебе, мечтаю о том, как буду гладить и целовать тебя со всех сторон, чувствовать тебя всем своим телом. Вот как я люблю тебя, а ты, когда меня выпустили, даже счастливой не стала.

Жди меня 28-го, поезд № 10, вагон № 6. Приходит он вечером, часов около семи (точно здесь узнать невозможно). Женьке я писал, чтобы он и другие никоим образом не встречали меня. Если он спросит тебя, то повтори ему, чтобы не приходил. Разве только ты не сможешь меня встретить и захочешь что-нибудь передать через него. На случай, если это письмо пропадет, я напишу о поезде еще пару раз.

Люблю, люблю, люблю.

Дау.

* * *

Гаспра. 24.VI.39

Корунечка, чудненькая моя. Обидно, что уже так и не получится ни одной настоящей ночи, поскольку ты 30-го работаешь. Придется в Москве дорабатывать.

Но самое главное это – как объяснить тебе, что ты не имеешь никакого права не заботиться о своем здоровье (я уже не говорю о счастье) и переутомляешься. Говоришь, что любишь меня, а обращаешься с моими вещами так небрежно. Ведь и серенькие глазки, и губки, и груди, и каждый волосок – все это мое и ты вовсе не имеешь права неосторожно обращаться с чужой собственностью, даже если ты и не очень любишь меня.

Крепко целую нахальную и лживую (жульничаешь с путевкой) девочку. Дау.

* * *

Теберда. 13.VII.39 Корунечка, дорогая.

Очень рад был, получив твое письмо. Карточки, впрочем, очень посредственные: не то, что те. Не телеграфирую тебе, т. к. сейчас ты, вероятно, уже получила мое письмо (это, кажется, 6-е или 7-е).

Здоровье мое в прекрасном состоянии. Сердцебиений нет никаких.

Напрасно ты, Корунька, стараешься узнать, что я хочу. Во-первых, я действительно сам не знаю. Во-вторых, для тебя этот вопрос настолько более сложен, что здесь ты одна должна решать. Мне важно только, чтобы ты была счастлива.

Когда получишь это письмо, телеграфируй, пожалуйста, день своего отъезда и Н. Афонский адрес, а то я не буду знать, куда писать.

Смотри, Корунечка, отдыхай как следует. Бояться тебе теперь нечего и можешь развлекаться как угодно. Ты ведь знаешь, что я от этого не буду меньше тебя любить.

Пиши мне, Корунечка, почаще. Я так люблю получать твои письма.

Крепко целую.

Дау.

В этом письме его слова: «Для тебя этот вопрос настолько более сложен, что ты одна должна решать. Мне важно только, чтобы ты была счастлива». По своей человеческой честности и наивности ребенка он мог думать, что я, дав слово не ревновать, смогу это выполнить!

* * *

Теберда. 18.VII.39

Корунечка, любимая.

Получил сегодня два твоих письма сразу. Боюсь я все-таки за тебя. Что ты-де сама виновата, это не утешение. Если кто-нибудь нечаянно разбил драгоценную вазу, то разве можно оправдываться тем, что она неудобно стояла. С драгоценными вещами надо обращаться осторожно, а что может быть драгоценнее красивой женщины. Ведь я отвечаю не только за то, чтобы у тебя не было неприятностей, а чтобы ты была вообще счастливой.

Очень хорошо делаешь, что осторожно обращаешься с путевкой. Что бы ты в конце концов ни надумала, но отдохнуть ты должна обязательно.

Я буду в Харькове 3-го в 12 час. 45 мин. и уеду, очевидно, 5-го вечером. Я бы, конечно, приехал раньше, если бы ты была в это время в Харькове, но, к сожалению, билеты надо заказывать задолго, а торчать в Харькове без тебя мне ни к чему.

*О моем здоровье не беспокойся. Никаких сердцебиений и в помине нет.
Крепко целую бедную сероглазую Корочку.*

Дау.

* * *

Теберда. 20. VII.39

Корунечка, дорогая.

Так приятно, просматривая письма на букву Л, увидеть твой почерк. Если бы я только знал, что нужно, чтобы сделать тебя счастливой. Но кто тебя разберет, и потому я даже советовать тебе боюсь. В кооперативное твое счастье при моем развратном стиле я тоже не верю. В результате я даже не могу отплатить тебе за то счастье, которое для меня связано с тобой. Ведь когда я думаю о счастливых минутах моей жизни, то я вспоминаю прежде всего те, когда я обнимаю тебя, а ты прижимаешься ко мне и я всем телом чувствую тебя.

Я здесь прекрасно развлекаюсь и чувствую себя очень хорошо, только в весе никак не прибавляю.

Чтобы ты обязательно хорошо отдохнула на курорте!!!

Крепко целую серые глазки.

Дау.

* * *

Москва. 1. X.39

Корунечка, родная.

Ну какие ты чудные письма стала писать. Когда их читаешь, все становится как-то веселее и лучше.

Как с твоим приездом? Как твое здоровье? Я сейчас все думаю, что тебе плохо, вероятно, в результате утомления. Приезжай, Корунечка, скорее, тогда мы обсудим, что с этим делать. Ведь я очень, очень люблю тебя, и когда думаю, что тебе плохо, мне тоже становится грустно.

Крепко, крепко целую бедную девочку.

До скорого свидания.

Дау.

* * *

4. X.39

Корунечка, дорогая моя.

Мне очень, очень жалко мою бедную девочку. Приезжай поскорее сюда, и мы все обсудим и придумаем, что делать. Имей, кстати, в виду, что если ты,

как ты пишешь, «не хочешь причинять мне неприятности» – то не пиши, что твой приезд «не очень сильно интересует меня». Ведь ты прекрасно знаешь, что это явная неправда. Неужели я все это время так плохо обращался с тобой, что ты имеешь основания, когда тебе плохо, писать мне такие фразы. Я так сильно люблю тебя, Корунечка, и когда я знаю, что тебе плохо, я вообще не могу жить спокойно.

Приезжай, Корунечка! Я так жду тебя, а ты теперь вдруг пишешь, что вообще приедешь неизвестно когда. Ведь даже если тебе уж не так хочется видеть меня, ты хоть сможешь отдохнуть здесь. А ведь теперь же ты уже не боишься, что я могу изнасиловать тебя.

Крепко, крепко целую. Жду телеграммы о приезде.

Дау.

* * *

27.X.39

Корунечка, дорогая.

Ну зачем ты умствуешь о всякой ерунде? Что я мимоза какая-то, что ты боишься, что я переволновался при твоём отъезде. Все это ерунда! Ведь я очень, очень люблю тебя и возиться и волноваться для тебя я всегда готов (уже не говоря о том, что вся история была ерундовая).

Ты бы лучше написала о том, как ты там в вагоне с субъектом любезничала (который тебе вещи втаскивал). Мои дела в этом направлении обстоят прескверно. Просто хоть плачь!

Крепко целую дорогую девочку.

До скорого свидания.

Дау.

* * *

23 ноября, 1939 г.

Корунечка, любовь моя. Звонил тебе на прощание еще несколько раз с вокзала, так хотел услышать твой чудный голосочек, но так и не дозвонился. Очень смешно читать твои письма, в которых ты волнуешься по поводу моей любви к тебе. Ведь я просто по временам с ума схожу от любви к тебе, ведь ты такая изумительная, тебя вообще трудно не любить. А о других ты зря волнуешься. Подумай, Корунечка, ведь мы живем всего только один раз и то так мало, больше никакой жизни не будет. Ведь надо ловить каждый момент, каждую возможность сделать свою жизнь ярче и интереснее. Каждый день я с грустью думаю о том, сколько неиспользованных возможностей яркой жизни пропадает. Пойми, Корунечка, эта жадность к жизни ничем не мешает моей безумной любви к тебе.

Напиши, что тебе сказали в поликлинике.

Крепко целую серенькие глазки.

Дау.

* * *

25.XI.39

Корунечка, любимая. Как жалко, когда от тебя нет писем, чтобы перечитывать их. Те письма, которые пришли за время моего отсутствия, к сожалению, совсем для этого не годятся. Ты не думай, Корунечка, что это оттого, что они «плохие»; дело просто в том, что когда я читаю их, то мне кажется, что тебе очень плохо, и от этого становится очень грустно. Ведь я так люблю мою чудную сероглазую блондинку, которая хитрым образом ни за что не хочет быть счастливой.

Дела мои в смысле любовниц в довольно жалком состоянии. Сижусь у моря и жду погоды. А сколько можно было бы за это время пережить интересного! Без любви к тебе я как-то даже не могу себе представить своей жизни, но ведь она должна быть такой яркой и интересной, что дальше некуда.

В Ленинград решил пока не ехать – боюсь, что устану. Как с твоим лечением?! Снималась ли уже без трусиков?

Ведь ты такая чудная, что всякому, имеющему аппарат, естественно хочется все пленки извести на тебя.

Что у вас делается?

Крепко целую всю Корочку.

Дау.

* * *

Москва.

30.XI.39

Если ты приедешь сюда, то это письмо может не застать тебя в Харькове. Поэтому пишу на всякий случай. Может, тебе действительно трудно разбирать мои каракули. Ведь знаешь, Корунечка, я все-таки никак не могу себе представить, что ты можешь очень сильно любить. Ведь даже если бы ты любила меня хоть совсем немного, только разрешая мне любить тебя – это уже было бы неплохо, а то, что ты еще сама любишь меня – это так хорошо, что этому как-то трудно поверить. Если бы я сам не чувствовал, как ты всем телом прижимаешься ко мне, я бы вообще считал это абсурдом.

Корунечка, дорогая, почему от тебя ничего нету? Само по себе это неважно и я ничего не вижу в том, что у тебя не было настроения писать, но когда от тебя вовсе ничего нет, мне начинает казаться, что тебе очень плохо живется, а это самое плохое, что вообще может произойти.

Прошло ведь всего 10 дней, как мы были вместе, но мне кажется, что прошел уже целый месяц, и так сильно хочется почувствовать мою чудную Корочку. А ты еще болтаешь, что я меньше люблю тебя, чем 4 года назад.

Временами мне хочется, чтобы ты уже жила здесь, но потом я вспоминаю, что других любовниц еще нету и что вместо яркой жизни может получиться скука, от которой мы быстро разлюбим друг друга. Вот когда все устроится как следует, мы с Корунькой заживем как боги.

*Крепко целую всю Корочку.
Дау.*

* * *

*Москва.
6.XII.39*

Корунька, дорогая. Ну и нахальная же ты. Не ответить на две телеграммы в расчете на письмо, написанное 1.XII.

Вообще это, конечно, закономерно для особы, но поскольку недавно ты учинила болезнь и у меня не было со времени отъезда из Харькова ни одного твоего письма, я уже в самом деле взволнован. И еще имеешь нахальство сомневаться в том, что я тебя люблю гораздо сильнее.

Насчет лечения это возмутительно. Почему это у тебя нет времени лечиться. На всякие дела у тебя есть время, а чтоб заботиться о моей самой любимой вещи – нет. И нисколько ты меня не любишь.

Фотокарточка очень чудненькая. Я представляю себе, как на тебя там субъекты облизываются. Кстати, прочел недавно замечательную фразу для тебя. Когда мадмуазель де Соллери была поймана своим любовником на месте преступления, она храбро это отрицала, а потом заявила: «Ах, я прекрасно вижу, что вы меня разлюбили, вы большие верите тому, что вы видите, чем тому, что я говорю вам». Мои дела в этом смысле пока в довольно посредственном состоянии.

В Ленинград пока не собираюсь.

Целовать тебя, принимая во внимание твое обращение с моим телом, не следовало бы, но разве можно удержаться!

Дау.

* * *

Москва. 15.XII.39

Корунечка, родная.

Следовало бы похвалить тебя за чудненькие письма, но нельзя, потому что из тех же писем выясняется, что ты много работаешь, чего тебе никогда не разрешалось. На твои две открытки, очевидно, соблазнился кто-нибудь на почте, а маленькую (которая действительно очень чудная), как я тебе уже писал, – получил. Что ты кроме меня никем не интересуешься, отнюдь не доказывает, что ты сильно любишь меня; отсюда только следует, что, во-первых, ты слишком много работаешь; во-вторых, отсюда можно было бы заключить, что ты рыбьего нрава, но так как опыт показывает, что это не так, то отсюда только видно, как ты любишь приврать, что, впрочем, и так известно (вспомни хотя бы лживую телеграмму об ангине, в каком-то отношении, в отличие от собственных ситуаций, тебе, как известно, вовсе не разрешалось врать).

Очень хочется увидеть тебя. Так приятно чувствовать, что такая прелесть любит меня. Ведь письма ты все равно такие же будешь писать и когда разлюбишь меня, а всем телом соврать гораздо труднее.

Крепко целую со всех сторон.

Дау.

* * *

10.I.40

Корунечка, любимая. Вот уже восемь дней как ты уехала и ничего не знаю о тебе. Главное чувствую, что ты хитрым образом по какой-либо причине все-таки не счастливая. Напиши, Корунька, что-нибудь, а то, когда от тебя ничего нет, мне становится как-то немного грустно. Ведь если ты меня разлюбила, то я просто не знаю, как я смогу жить дальше.

Здесь все время очень холодно – 20—30. Поэтому я никуда не хожу. А когда торчишь дома, вспоминаешь все грехи в смысле серости жизни. Адка мощно обхамила – условились с ней по телефону зайти около 4-х, а в пол пятого ее не было дома – не дождалась. Так что я даже не видел ее. Танька держит себя весьма неопределенно. Других даже не пытался увидеть.

Крепко целую тебя, хотя и «характерную», но совершенно чудную девочку.

Дау.

* * *

30.I.40

Корунька, родная. Ну как тебе было не стыдно говорить мне такие вещи по телефону. Я уже узнал у Лелиного отца все подробности. Оказывается, ввиду трудностей с транспортом, выдают билеты в Москву только командировочным. Само собой, что это не означает никакого запрещения въезда в Москву. Что касается вопроса по существу, то не говоря о том, что это несомненно временная вещь (которая, кстати, уже раз была), я убежден, что мне всегда разрешат привезти в Москву мою жену (хотя бы через Академию Наук). В общем, по этому поводу можешь не беспокоиться.

Но самое главное – это вопрос о твоём здоровье. Имей в виду, Корунька, что я совершенно всерьез никогда не прошу тебя, если ты сейчас будешь трепать свое здоровье, и так достаточно подорванное. Я действительно очень виноват в том, что в свое время ограничился одними уговорами, а не заставил тебя поехать полечиться и отдохнуть. Правда, не думаю, чтобы ты по этому поводу имела основания писать (хотя бы и зачеркивая потом), что я больше думал о чем-либо другом, чем о твоём здоровье, но факт остается фактом, а то, что ты сама ничего не хотела делать, конечно, для меня плохое оправдание. Тебе во что бы то ни стало надо поехать на курорт и всерьез полечиться.

* * *

Корунька, любимая. Как я соскучился по тебе, по всей Коруньке от волос до кончиков ног. Не вздумай, впрочем, из-за этого раньше приезжать.

Перед тем как приедешь сюда, твоё лечение в харьковской поликлинике должно быть полностью закончено. Отсюда ты должна сразу же поехать на курорт. Спишишь об этом с Верой, если Сергей сможет достать тебе путевку. Лучшее всего будет, если ты проведешь здесь недели две. Тогда можно будет в последний раз пообщаться с тобой как с любовницей и вводить кооперативный стиль уже после твоего возвращения с курорта. Как с перевозкой твоих вещей?

Мои дела в довольно жалком состоянии. Танька ведет себя довольно кисло. Единственным утешением была одна ленинградка, которую я слегка осваивал в Теберде и которая мило держала себя. Но, во-первых, она была здесь всего два дня и уехала в Ленинград, а, во-вторых, я не уверен, что она 2-го класса.

Корулька, дорогая. Временами мне кажется, что хорошо, что ты будешь рядом под руками (во всех смыслах), но с другой стороны – а вдруг ты застрадаешь. Смотри!

Крепко целую тебя, Корулька.

Дау.

P.S. Никаких твоих писем после первых двух не было. Сколько моих писем ты получила?

* * *

23.II.40

Корулька, родная. Получил два твоих «красных» письма. Ты спрашиваешь меня, в какой мере я сам хочу твоего приезда? Должен сказать, что я все-таки очень скучаю по тебе, и мысль иметь Корульку под руками соблазнительна. Надо бы только с самого начала хорошо организовать нашу совместную жизнь. Поэтому мне и хочется, чтобы ты сначала приехала как любовница и только после возвращения с курорта уже жила бы в своей новой профессии. Тем более, что любовница такая хорошая, что жалко терять. Напиши по этому поводу!

Очень смешно читать, когда ты спрашиваешь, скучаю ли я по тебе. Я просто мечтаю о возможности крепко обнять свою чудную Корульку. В моих делах с другими девушками ничего нового. Килечка в Ленинграде, пишет мне милые письма, но чтобы освоить ее дальше, надо ехать в Ленинград, что сейчас весьма сложно. Танечка ведет себя несколько лучше, но все-таки неопределенно и даже слабых достижений пока не имеется. Адки – не видел.

Хотя ты и по телефону утверждала, что соскучилась, но я как-то не очень этому верю. А то ты привыкла к моему кроткому нраву и, вероятно, думаешь, что со мной всегда можно потом договориться. Имей в виду, Корулька, что все это тебе писалось по этому поводу совершенно серьезно, и лучше не пробуй легкомысленно относиться к своему телу.

Крепко целую это чудное тело.

Дау.

* * *

19.IV.40

Корулька, дорогая.

Насколько я понимаю твой характер, ты, исходя из того, что я долго не писал тебе, уверена в моих успехах. В действительности в этом случае я, вероятно, писал бы каждый день. В настоящий же момент говорить о каких бы то ни было успехах не приходится. Из Катки ничего сделать невозможно, но что касается Кирки, то освоить ее было бы в общем нетрудно, но, к сожалению, она все-таки недостаточно красива, и делать ее своей постоянной любовницей мне не хочется. Если же освоить ее просто так, то, принимая во внимание, что она, по-видимому, сильно влюблена в меня, мороки не оберешься. Поэтому ограничиваюсь изучением фигуры.

В общем, очень трудно. Когда подумаешь, просто удивляешься, как это такая чудная особа, как ты, может любить меня.

Крепко целую самую любимую Корочку.

Дау.

* * *

Ленинград. 21.IV.40

Корулька, золотая моя. Не знаю, успеешь ли ты уже получить это письмо до моего приезда, но мне очень хочется написать тебе. В первую неделю, когда не видишь тебя, то как-то тоже лень писать, а потом начинает тянуть к тебе, и сейчас мне очень приятно думать, что приедешь в Москву и опять будет Корушка под руками (и в буквальном и в переносном смысле слова).

Мои дела не особенны. Изучаю Килечкину фигуру, которая, к сожалению, далеко уступает твоей, но осваивать ее полностью не собираюсь. Вообще я какой-то неудачник.

Крепко целую дорогую девочку, которая даже не может вообразить, как я сильно ее люблю.

Дау.

* * *

Москва. 21.IV.40

Дорогая моя девочка.

Еще только шесть дней, как от тебя нет писем, а мне уже кажется, что прошла целая вечность. Когда я облизываюсь на какую-нибудь особу, я всегда вспоминаю про Корушку, например, что у нее грудь лучшая, или про серые глазки. А ты, когда прижимаешься к субъекту, то вовсе и не думаешь о Дау. Вообще вся разница между нами в отношении к «другим» – это то, что я честно говорю, а ты хитро привираешь. А твою любовь ко мне и сравнить

нельзя с моей любовью к тебе. Ведь если бы меня не было, то ты сразу нашла бы сколько субъектов.

* * *

23.IV.40

Письмо задержалось, так как я несколько прихворнул. По-видимому, обЪелся чем-то. Сейчас уже лучше, и завтра-послезавтра надеюсь быть в полном здравии. От тебя все ничего нет, а уже 8 дней прошло.

* * *

10.VII.40

Корулька, любимая моя девочка. Мои дела что-то несколько улучшились, и меня стало еще сильнее тянуть к тебе. Ведь ты такая чудная, что на свете не может быть ничего равного тебе. Когда прикасаешься к какой-нибудь другой особе, то потом ярче вспоминаешь твое чудное тело. А ты, вероятно, уже понемногу забываешь меня. Бог с тобой, конечно, что не пишешь, если бы я только мог быть уверен, что с тобой все хорошо, но разве с тобой можно хоть в чем-нибудь быть уверенным. И иногда мне становится вдруг очень страшно, что может быть ты больна. Это, конечно, глупо, но я так люблю тебя, что страх потерять тебя мелькает у меня в голове.

На прощание вот тебе еще отрывок стихотворения:

И промолвил так Саади лукавый пророк:

Если солнце восходит, иди на восток,

Если солнце заходит, на запад иди,

Будет солнце всегда у тебя впереди.

Ты солгал нам, о Саади, лукавый пророк,

Если солнце любя и о солнце скорбя,

Ты за солнцем пойдешь без путей, без дорог,

То на западе солнце взойдет для тебя

И от запада солнце пойдет на восток.

До свидания, моя самая, самая любимая.

Дау.

* * *

14.VII.40

Дорогая моя девочка. Как мне хочется получить что-нибудь от тебя. Но сейчас я уже 4 дня не в Теберде, а в отделении Дома отдыха на Домбае, куда письма не пересылают. Завтра мне обещано привезти письма, и я с радостью думаю, а вдруг будет письмо от Корушки. Впрочем, вероятнее всего, ни черта не будет. В Москве я очевидно буду двадцать девятого, т.е. через

приблизительно 15 дней. А вдруг выяснится, что ты разлюбила меня. Ведь какая ты ни хитрая и лживая, в этом вопросе тебе все-таки никогда не удастся обмануть меня. Как ты ни будешь стараться, но без одежды я чувствую каждую часть твоего тела, и тебе не удастся вытренировать его так, чтобы оно все лгало.

Вообще все это очень глупо. Всю жизнь, как ни хорошо я относился к людям, я никогда не чувствовал себя зависимым от кого-либо, а сейчас я так сильно завишу от тебя. Ты знаешь, как я облизываюсь на хорошеньких и как мало я при этом преуспеваю, но если бы явился сатана и предложил мне мощнейший успех с условием, что тебя не будет, я сразу отказался бы.

Мне здесь (если не считать беспокойства о тебе) очень неплохо. Гуляю, жру и, правда, с неопределенным успехом, увиваюсь за в общем неплохими особами. Если бы я только мог быть уверен, что ты совсем, совсем счастлива!

Крепко целую такие далекие и такие любимые серые глазки.

Дау.

* * *

12.VI.41

Коруныка, любимая. Как я люблю тебя! Когда ты рядом со мной, это кажется мне чем-то самоочевидным, и только когда тебя нет, я чувствую, до какой степени ты мне нужна; тогда я вспоминаю каждый изгиб твоего тела и мечтаю о том, как буду целовать тебя всю.

И как хорошо, что я могу болтать с тобой о «других», а не как с другими придумывать всякую чепуху. От этого ты становишься мне такой родной и близкой. И когда мне, увы, в ограниченной степени удастся изучать чужие фигуры, я всегда с гордостью вспоминаю, что у меня есть еще Корушка. Ведь ты сейчас правда не жалеешь бедному зайчику немного разнообразия.

Только дня приезда еще не знаю. Все мои дела настолько посредственны, что не знаю, как их и кончить. Когда решишь окончательно, телеграфируй.

Развлекайся побольше, но не забывай своего нежного зайца. Ведь я все-таки всегда боюсь, что ты заметишь, наконец, какой я неинтересный, и разлюбишь меня.

Крепко целую.

Дау.

Глава 17

– Коруша, я не изменил свои взгляды, но ведь я не видел тебя целый год. И сейчас каждый день без тебя – это потерянный день! А оправдание браку – мы были любовниками пять лет – солидный срок. А я влюбляюсь в тебя все больше и больше. Скорей устраивай свои дела и приезжай ко мне в Москву, уже как жена!

Но здесь он тщательно разработал свою самую «блестящую» (так он говорил) теоретическую работу и назвал ее «Как правильно жить, или Брачный пакт о ненападении». Этот «пакт» предоставлял полную свободу, как он понимал ее, для себя и меня. Я не могла сказать «нет». Его нервы, его сон, его здоровье надо было беречь! Тогда я не принимала этот «пакт» всерьез и была согласна на все. Я уже не могла ему бросить: «У тебя слишком удачно сложилась жизнь». Его здоровье было подорвано, его надо было беречь.

Но иногда закрадывалось сомнение, я боялась, что тот самый зверский, злостный человеческий предрассудок – ревность – сидит во мне! А вдруг в самом деле на моих глазах он будет волочиться за бабами? Даже когда он в письмах воспитывал меня, я неделями не снимала трубки с телефона, когда звучал междугородний длинный звонок. Я не отвечала на письма, а потом начинала врать о своих болезнях.

Кроме того, была еще одна неприятность: тот самый Женька, к которому, кроме презрения, нельзя питать иных чувств, женился и нахально поселился у Дау в Москве, в его пятикомнатной квартире. Вместе с женой и домработницей. Правда, Дау что-то говорил, когда я была у него.

Но он был такой хрупкий, ему противоречить было невозможно. И, по-моему, говорилось о временном проживании. Но на меня все обрушилось сразу, и моя мечта – быть женой Дау – казалась, неосуществимой. Тогда, в первый год нашей встречи, было пролито столько слез. Я так его умоляла, рыдала и говорила: «Дау, так нельзя, так стыдно, нам надо пожениться». Как я плакала! Мое лицо распухло от слез. Я говорила ему: «Я подурнела от слез, ты можешь разлюбить!» Но он находил и в этом прелесть: «Что ты, Корочка, ты очень красиво плачешь, беззвучно, только обильно льются слезы, а глаза из серых становятся бирюзовыми», – говорил он зачарованно. А сейчас к женитьбе появился брачный пакт о ненападении! Готовить меня к этому пакту он начал еще в 1937 году, когда переехал из Харькова в Москву.

Ну, ладно, был бы пакт, но как переварить такой довесок к женитьбе, как Женька с его женой и домработницей? И я откладывала свой приезд по разным, несуществующим причинам. А когда врешь, всегда запутаешься. Соврала и забыла что! А потом по этому поводу соврала другое. В конце концов я запуталась. Неожиданно Дау нагрянул в Харьков сам все выяснить. По каким-то причинам в Харьков он прибыл поздно и остановился в лифшицком особняке на Сумской. А ночью зазвонил входной звонок в моей квартире. Я испугалась, вскочила. Часы показывали два ночи.

– Кто здесь?

– Я, Корочка, открой.

Открываю: в сумерках ночи стоит Дау в трусах, туфли на босой ноге, скомканные брюки – в руках.

– Даунька, что случилось? За тобой гнались?

– Кажется, нет.

– Что же случилось?

– Какое счастье, что ты так близко живешь от Женькиной квартиры.

– Расскажи, как ты появился в Харькове?

– Я решил остановиться у Женьки. Его мама приготовила мне комнату. Ночью я вскочил, включил свет – о ужас! – вся простыня усеяна огромными длинными клопами. Их было несметное множество. Я так испугался, схватил брюки и бегом к тебе.

– Почему ты мне не позвонил?

– Корочка, я только слышу голос телефонистки: номер не отвечает. Почему у тебя появилось столько причин откладывать свой приезд в Москву? Ты уже не хочешь выходить за меня замуж?

– Очень хочу, но без Женьки.

– Корочка, без твоего согласия я не решился бы его пустить. Ты разве забыла? В один из твоих приездов я получил твое согласие, и, как мне показалось, ты этому не придавала никакого значения.

– Я не могла себе представить, что это навечно, да еще с женой и домработницей.

– Я совсем не узнаю свою Корочку. Была такая преданная, добрая, а сейчас изводишь меня. У меня совсем мало осталось жизненных сил, жалься, брось бузить. Я не могу сейчас выгнать Женьку, я не могу менять свое слово! Кстати, они заняли низ, а мы с тобой будем жить наверху. Верх и низ, сама хорошо знаешь, изолированы!

Квартиры в так называемом «капичнике» (так Дау называл Институт физпроблем), здание института и личный особняк Капицы были точной копией института Резерфорда в Кембридже. Петр Леонидович Капица приехал работать в Россию и, по его желанию, институт был построен именно так. Все зарубежные физики ахнули, когда Резерфорд свое блестящее по тем временам уникальное оборудование продал Советскому Союзу. Резерфорд отвечал так: «Петр Капица должен продолжать научные изыскания, начатые у меня, ему это оборудование необходимо, он работает на науку».

Квартиры для сотрудников были отделаны на английский манер. Вход в каждую квартиру отдельный со двора, внизу очень большая гостиная и столовая, из передней полувинтовая лестница наверх – там три спальни.

Внезапный приезд Дау в Харьков – и все мои сомнения исчезли. Теперь он настаивал: «Корочка, мы должны быть каждый день вместе, я не могу жить больше без тебя! А насчет Женьки договоримся так: если тебе не понравится, что они у нас живут, тогда у меня будет причина их выселить. Это будешь решать ты, но уже после приезда в Москву. А пока они мне очень полезны, они меня кормят. Когда я углубляюсь в науку, я забываю все: я теряю время, забываю поесть, а сейчас это мне противопоказано, ведь я только по-настоящему начинаю выздоравливать. У меня к тебе очень большая просьба, очень серьезная просьба, очень жизненно важная просьба. Даже, вернее, это не просьба, а условие: это будет фундаментом нашего брака – личная человеческая свобода! Несмотря на проверенную и безграничную влюбленность в тебя, даже твоим рабом я никогда не смогу быть! Никогда, Корочка! Запомни: никогда ни в чем мою личную свободу стеснять нельзя! Я врать не умею, не хочу, не люблю, чего не могу сказать о тебе! Пока все мои разговоры о любовницах носят, к сожалению, только теоретический характер. Ты на моем пути встретишься такая, ну просто женское совершенство! В литературе о тебе сказано так: бог сотворил и форму уничтожил. Запомни одно: ревность в нашем браке исключается, любовницы у меня обязательно будут! Хочу жить ярко, красиво, интересно, вспомни «Песню о Соколе» Горького – ужом я жить не смогу. Смотри, на мою свободу покушаться нельзя! В детстве меня угнетал и подавлял отец какими-то уродливыми взглядами на жизнь, я был близок к самоубийству. На ногах устоял только потому, что сам понял, как правильно жить. И запомни: ревность это позорный предрассудок. По своей природе человек свободен!»

Не сознавая, я пошла на преступление. Я дала ему слово и клятвенно заверила своей любовью – ревновать не буду, не посмею, живи свободно, красиво, интересно! Так, как жил ты на своей далекой звездной планете. Ты слишком чист и необычен для нас, землян! И сверка-

ющие глаза твои так красивы, необычны, они излучают сияние, так, наверное, сверкают самые драгоценные черные бриллианты, и сам ты какой-то хрупкий, как редчайшая драгоценность!

А много лет спустя друг Дау, поэт Николай Асеев, когда наш сын из детства вступал в юность, написал о Дауньке стихи. Они мне очень дороги тем, что Николай Асеев не знал и не мог знать, что еще до заключения нашего брака с Дау я самостоятельно решила, что Дау – человек не нашей планеты.

Вы как будто с иной планеты
Прилетевший крылатый дух:
Все приметы и все предметы
Осветились лучом вокруг.
Вы же сами того сиянья
Луч, подобный вселенской стреле,
Сотни лет пролетев расстоянье,
Опустились опять на Земле.

Глава 18

В Москву я совсем переехала только в 1940 году. В Москве за Старой Калужской заставой нашла я счастье и большую любовь. Даунька, нежно воркуя, вызывал во мне нежность и снисходительность, которую может вызвать только любимый ребенок. Его горячий влюбленный взгляд был прикован только ко мне. Он возил меня по Москве: «Посмотри, Коруша, это здание 1-й градской больницы, здание прошлого века, умели строить. Как они чувствовали красоту. Эти величественные колоссальные каменные колонны кажутся воздушными, невесомыми. Имей в виду, это одно из красивейших зданий в Москве!»

В театре он усаживал меня на наши места, а сам исчезал, появлялся с последним звонком, восторженно счастливым шепотом сообщал: «Обежал весь театр, осмотрел всех девиц, ты самая красивая. Таких, как ты, нет».

– Даунька, ты помнишь, в Харькове обещал мне, когда я приеду совсем в Москву, мы один раз с тобой ходим в Большой театр на «Спящую красавицу».

– Помню, но я решил просить тебя поменять эту одну «спящую красавицу», тем более она совсем не красивая, на десять посещений настоящих хороших театров: МХАТ, Малый, Вахтангова. Я очень, очень люблю драматический театр. На сцене театра должно происходить реальное действие яркой жизни, осмысленной деятельности, интересной, захватывающей отдельные моменты жизни человека или даже эпохи. Но когда на сцене вокруг собственной оси долго и бессмысленно вертится балерина – очень скучно смотреть. Опера еще бессмысленней балета. Какой-нибудь баритон поет, как он нежно любит, целует и обнимает свою возлюбленную, а сам стоит как пень и ограничивается собственными трелями, а партнерша вторит ему тоже о безумной любви, ограничиваясь только завыванием. Только музыковеды находят в этом смысл. Эта профессия прощительна только женщинам, а я физик, мне все это невыносимо скучно! Скука самый страшный, просто смертельный человеческий грех. Жизнь коротка, я счастлив сейчас. Ты со мной и больше не уедешь.

Концерты Утесова не пропускали. Дау очень любил Утесова: «Он очень талантлив и очень артистичен. На его концертах очень весело», – так Дау говорил об Утесове. Ну, а когда Даунька вел меня на выступления Аркадия Райкина, он был даже как-то необычайно торжественен. Он еще предвкушал, что может показать мне такой шедевр артистического искусства. Райкиным я, конечно, была покорена навек, он уже тогда достиг зенита славы. Так удивительно счастливо, удивительно беззаботно и безмятежно складывалась моя жизнь с Даунькой в Москве.

– Коруша, у меня завтра с утра ученый совет. Какие у тебя планы?

– Я поеду в ЦУМ.

– Туда я тебе не попугчик. Терпеть не могу магазинов. Как у тебя с деньгами? Возможно, тебе понадобятся деньги?

– Нет, у меня много своих.

– Я все время хотел спросить: как ты умудрялась на фабрике в месяц получать до трех тысяч рублей, гораздо больше, чем я. Все, кто работает на производстве, жалуются на низкую заработную плату.

– Это смотря как работать. Это лодыри жалуются. На фабрике я была одна с университетским образованием, я много читала лекций пищеводам по пищевой химии.

В Харькове, встретясь с Дау, я слушала с открытым ртом от удивления: как я красива! Придя в шоколадный цех, я увидела: все работающие в цехе, даже молодые, женщины давно потеряли талию. По роду своей работы я должна была дегустировать массу очень вкусных вещей. Я очень испугалась за свою талию. В те годы она была 63 см, и мне пришлось ввести

в свою жизнь жесткую утреннюю гимнастику с 6 до 7 часов утра. Достав старинную брошюру Мюллера «Как сохранить молодость и красоту», я усовершенствовала ее по своему усмотрению. С тех пор утренняя гимнастика навсегда вошла в мою жизнь.

А когда на фабрике я стала зарабатывать уйму денег, то, собираясь к Дау в Москву на любовные свидания, тщательно обдумывала свои туалеты. Модели я придумывала сама. В те годы быт советских граждан не засоряли ультрамодные европейские журналы мод. А наши шелковые чудесные ткани всех оттенков были в большом выборе. Особенно я любила шифоны всевозможных расцветок. Этот прозрачный шелк вмещал в себя все четыре принципа Дау, как должна одеваться женщина. В Москву я привезла богатый гардероб красивой одежды. Где бы я ни появлялась с Дау, все оборачивались, рассматривая меня, вслед неслись комплименты: какая прелесть. Пламенные глаза Дау сияли гордостью, счастьем. Он шептал мне: «А если бы они увидели тебя раздетой!»

Особенно к лицу мне были летние яркие солнечные дни. Волосы, не тронутые переки-сью, золотились короной. В сквере у Большого театра девочки-дошкольницы с восторгом провожали меня глазами, с детской непосредственностью восклицая: как невеста! это фея! чур моя! принцесса из сказки! Вот эти комплименты приводили меня в восторг. Нет, я никогда не считала себя красивой. Производимое мною впечатление относилась за счет своих туалетов, за счет умения одеваться. Только Даунька ставил меня в тупик, утверждая, что без одежды я гораздо красивее. Но у Дау на все были свои экзотические взгляды.

Из поездок в центр я возвращалась счастливая, всегда в приподнятом, веселом настроении. Сиделись обедать все внизу у Лифшицев в столовой. В одной комнате Леля и Женя сделали спальню, вторая осталась столовой. Мы с Дау там завтракали, обедали и ужинали. Леля вела все хозяйство, выясняя отношения со своей домашней работницей. Дау только оплачивал тот счет, который ему предъявлял Женька. В этот счет входило половинное содержание домашней работницы, что особенно восхищало Женьку. «Как выгодно, как экономно жить вместе! При своем переезде в Москву я даже представить себе не мог, что у нас с Лелей будет так мало уходить на жизнь».

Привычку копить деньги Евгений Михайлович унаследовал от своего отца-медика. Когда сыновья подросли, их отец сказал так: «Раз «товарищи» уничтожили у нас, врачей, частную практику, сделав в Советском Союзе медицинскую помощь бесплатной, мои сыновья станут научными работниками». С большой гордостью об этом рассказывал сам Женька, восхищаясь прозорливостью своего отца. «Действительно, папа оказался прав, ведь самая высокая заработная плата у нас, у научных работников». И, как ни странно, младший сын медика Лифшица Илья тоже вышел в физики.

- Ну, как, – говорил Дау, – Коруша, будем выселять Женьку?
- Нет, Дау, с Лелей легко ладить.
- Коруша, я очень рад. По-моему, ты даже к Женьке стала относиться лучше.
- Даунька, к его манере держаться привыкнуть трудно.
- Почему?
- Твой Женька без конца гладит то место в брюках, где застежка.
- Наверное, проверяет: застегнул ли он все пуговицы.
- Это можно делать без многочисленных свидетелей. Потом он за столом все куски перетрагует руками, прежде чем выбрать себе.
- Согласен, Женька очень плохо воспитан.

Если Женька находился у нас наверху и вдруг слышал, что в кухне зашумело масло на сковородке, он стремительно бросался вниз с воплем: «Леля, Леля! Я сколько раз говорил: нельзя столько масла расходовать. Вот, смотри, я половину масла сливаю со сковородочки, и вполне достаточно. Леля, ты должна следить за домработницей, чтобы она не расходовала

лишние продукты». Леля кричала снизу: «Дау, бога ради, забери Женьку из кухни, он мешает готовить обед».

Иногда перед ужином Женька продолжительное время сидит у нас наверху. Спускается вниз, только когда Леля всех нас приглашает к ужину в столовую. Как правило, там уже всегда находится Рапопорт – Лелин научный руководитель: она в те годы была аспиранткой патолого-анатомической кафедры.

– Коруша, как тебе понравился Лелин шеф?

– Он никому не может понравиться. Он очень рыжий, еще и лопухий.

– А Леле он очень нравится, ведь пока Женька находится у нас наверху, Леля внизу в это время отдается своему научному руководителю.

– Этого не может быть, он старый и очень, очень страшный. Он даже хуже Женьки!

– Коруша, у Женьки и Лели очень, очень культурный брак. Без ревности и без всяких предрассудков. Это я научил Женьку, как надо правильно жить. Он оказался способным учеником, только не по физике. Да, звезд с неба по физике Женьке не суждено доставать. Но жизнь тоже серьезная наука. Женька очень оценил мою теорию и с помощью Лели осуществил и экспериментально подтвердил мои теоретические выводы! В этой любовной троице только любовник и введен в заблуждение, а муж в большом выигрыше. Леля знакомит Женьку с усовершенствованиями, достигнутыми большим опытом ее шефа в делах любви. Все держится в большом секрете от шефа!

– И твой мерзкий Женька, вероятно, считает, что натянул нос любовнику своей жены?

– Да, в какой-то степени это так и есть. Здесь в дураках сам любовник. Когда тебя не было в Москве, после ухода Рапопорта Леля рассказывала много интересного! Все интимные подробности.

– Дау, прекрати, я не хочу этого слышать. Это не любовь, это отвратительный секс. Леля так скромна на вид, так прилично выглядит. Раньше я только слыхала, что медички бывают очень развратны. Дау, все-таки твой Женька удивительно омерзителен!

Вскоре наедине Леля меня спросила: «Кора, как вам понравился мой научный руководитель? Я Дау разрешила сказать вам про мои интимные отношения с ним. Это знает даже Женья».

– Леля, неужели он может нравиться?

– Что вы, Кора, я безумно в него влюблена. Он неотразим. Звук его голоса приводит меня в трепет. Он пользуется очень большим успехом у женщин, все студентки нашей кафедры влюблены в него.

Когда наступил очередной ужин с Рапопортом, наверное, мои взгляды, которые он ловил, были красноречивы. Сощуриив свои белесые глаза, окаймленные красными ресницами, он сказал: «Вот Коре я не смог бы понравиться как мужчина». – «Да, вы не той масти». Все рассмеялись. Искренне и весело смеялся и Лелин шеф. Дау о нем говорил: он замечательный человек и очень крупный специалист в своей области. Часто, очень часто Даунька шутил: «Яков Ильич, вот когда я умру, вы по всем правилам науки вскроете меня!»

Прошли годы. Прошли десятилетия. Дау был намного моложе Рапопорта. Первая фамилия протокола вскрытия тела Ландау: Рапопорт.

После окончания университета я получила диплом химика-органика. Устраиваться на работу решила по возможности ближе к месту жительства. Когда я уже оформилась и пришла на собеседование к своему шефу, он меня спросил:

– Вы кончали Харьковский университет?

– Да.

– А почему, переехав в Москву, вы решили работать у меня?

– Я живу рядом.

– О, святая наивность!– воскликнул он.

Я не поняла, причем здесь наивность.

– Даунька, почему этот членкор так сказал?

– Неужели ты не понимаешь?

– Нет.

– Коруша, ты должна была ему ответить: ваши работы всемирно известны, как только я появилась на свет, у меня была одна мечта – работать под вашим руководством!

– Дау, я раньше о нем ничего не слыхала.

– Это не важно, в системе Академии наук очень любят лести.

Вместе с Женькой и Лелей мы прожили около года. Женька съездил в Харьков, привез кое-что из своей харьковской мебели. Дау ему говорил: купи здесь новую. Он отвечал: «Дау, ты в этом ничего не понимаешь. Новая мебель плохая и дорогая, а перевезти из Харькова стоит гроши. Я не люблю тратить зря деньги».

Когда харьковская мебель пришла, через некоторое время испуганный вопль Дау разбудил меня ночью. «Коруша, смотри, это та самая порода лифшицких харьковских клопов. Как они жалят! Посмотри, какие они огромные, а форма у них продолговатая. И убежать теперь от них невозможно!»

Еле дождавшись утра, Дау побежал в институт, пришли рабочие, вынесли Женьку с заклопленными харьковскими вещами. Капице было доложено о бедствии Ландау в связи с нашествием лифшицких клопов из Харькова. Капица разрешил поселить Женьку в гостевой квартире. Вот так без малейшей интриги с моей стороны Женька был выселен.

Хозяйственный отдел института быстро организовал бригаду, и Женька вместе со своим скарбом был тщательно обработан во дворе института на виду у всех, прежде чем ему разрешили поселиться в гостевой квартире. Все испугались, нельзя было заклопнуть институт, выстроенный на английский манер! Потом Женька прибежал к Дау, отчаянно, визгливо рыдал: «Дау, как ты мог так меня опозорить в институте». – «Женька, ты меня прости, я не думал вызывать такой шум, просто я очень боюсь клопов, их не было даже в тюрьме. Как ты и вся ваша семья их переносите? Вы что, привыкли к ним с рождения? Ты что, плачешь по своим потомственным клопам? Тебе жаль, что их уничтожили?»

В квартире я выжигала клопов газовой паяльной горелкой. Особенно их было много в лифшицкой спальне.

– Даунька, а Женька упер с окон нашей квартиры рамы металлических сеток от мух, которые нам недавно сделали.

– Не может быть.

– Да, да, правда, пойдя, проверь сам.

– Да, Женька не растерялся, сетки он упер. Я пойду к нему, скажу, чтобы он их вернул.

Вернувшись от Женьки, он сказал:

– Коруша, Женька обнаглел и нахально заявил, что он наши сетки от мух не вернет, так как ему такие сетки делать никто не будет, а мне по моей просьбе могут сделать еще раз. Корочка, мне пришлось с ним согласиться.

Когда я полностью привела квартиру в порядок, Дау решил пригласить свою маму. Она очень хотела познакомиться со мной. Я уговорила Дау устроить званый большой вечер человек на двадцать, нечто вроде нашей запоздалой свадьбы. Маму Дау я заочно уважала и даже преклонялась. Она дала жизнь такому человеку!

Тщательно готовила ей комнату.

– Коруша, ты что здесь все время усиленно трешь? Ты думаешь, мама это оценит? Она к бытовым мелочам безразлична.

Я знала, мама Дау была профессор, имела печатные труды, заведовала кафедрой, читала лекции студентам. Но когда она прожила у нас неделю, я была покорена. Так вот откуда у Дау это очарование, это обаяние. Нет, это был не профессор в преклонном возрасте, это была комсомолка, комсомолка 20-х годов. Так она воспринимала жизнь, такие передовые были у нее взгляды. Так она была молода не по возрасту, а по своей сути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.